Адиль Астемиров. Письма Ахмеду на ”немецком языке”

Напомню, что в ноябре 1994 года Адиль Астемиров на открытии своей персональной выставки в Третьяковской галерее назвал Гейдара Джемаля непосредственным участником своего проекта. Проект назывался «Онтосимметрии, цикл “Не имеющие обозначений”».
К 30-летию того события я уже выложил в открытый доступ ранее неизвестную запись беседы об искусстве, которая состоялась на даче Джемаля в Валентиновке: https://archive.org/details/geydar-dzhemal
Помимо этого, собирался написать большой текст, посвященный тому памятному событию.
Я принимал активное участие в подготовке той выставки, но многое стерлось из памяти. Поэтому обратился к самому художнику. Надо сказать, что Адиль Астемиров — один из последних представителей умирающего (или уже ...) жанра: Адиль Астемиров у нас ***пишет письма!*** *Да, да — большие, основательные тексты со вступлением, основной частью, отступлениями, завязкой и развязкой, заключением. Часто — с продолжением. И с изводившими нас всегда бесконечными троеточиями... ... ...*
Расчёт мой был прост: получив пару писем от Адиля, на их основе сделать свой большой текст, великодушно разбавив собственные воспоминания цитатами от этого динозавра эпистолярного жанра.
Пришло первое письмо, потом второе... третье... пятое... десятое... двадцатое!...
Я читал и перечитывал эти письма и пытался понять, что мне со всем этим делать. И понял, что не могу просто взять какие-то отрывки и цитаты, а остальное... а как быть с остальным текстом? И что там считать важным, а что —"остальным"?
И решил оставить письма как есть: просто опубликовать сами письма вместо обещанного себе текста.
Да, они не для каждого... Но сейчас любой сколь-нибудь сложный текст — "не для каждого"! Но я уверен, что они найдут своего читателя. Там, в этих письмах, — Джемаль, Дудинский, автор первого перевода Кастанеды Добровольский, там Сергей Шерстюк... много кто — московская богема, махачкалинская... Дагестанское детство и московские реалии уже состоявшегося художника.
Почитайте.
В конце концов, когда вы в последний раз читали чьи-либо письма?!

Письма-ответы Ахмеду на «немецком языке»

[От адресата: При подготовке к публикации из писем всё же удалены пассажи и фрагменты, не предполагавшие «выхода в свет», и добавлены комментарии-сноски.]

Письмо первое

Салам, Ахмед. Ты говоришь, что, к сожалению, время стирает ценные детали прошедших событий…[1] Предлагаешь описать, как возник текст Гейдара «Художник и культура». Можно ответить коротко — в стиле обычных формализованных аннотаций… Примерно так:

«В 1994 году в Государственной Третьяковской галерее проходила персональная выставка Адиля Астемирова: проект “Онтосимметрии”, цикл “Не имеющие обозначений”... За несколько месяцев до открытия Астемиров предложил Гейдару Джемалю принять участие в своём проекте — написать текст к выставке... Главным пожеланием было: чтобы текст был не в сторону “искусство-знания”[2], не “патологоанатомическим” искусствоведческим исследованием, где на живое навешивают мёртвые бирки, а абсолютно свободным, самодостаточным и, по возможности, “параллельным” — идущим рядом с идеями, представленными на выставке... Другими словами, создать текст, который станет параллельной конструкцией, свободной, самодостаточной частью проекта “Онтосимметрии”... На открытии выставки Гейдар Джемаль был представлен как непосредственный участник проекта... После его выступления, в котором Гейдар, с обычной для себя лёгкостью, вычерчивал сложнейшие смысловые фигуры, проекции которых пересекали границы возможного, наступила долгая-долгая тишина…
Текст “Художник и культура” опубликован в каталоге к выставке…»

---

[1] Пунктуация авторская. О своеобразном эпистолярном стиле Астемирова (с этими троеточиями) я уже упоминал в предисловии к «Садам и пустошам» Джемаля, где приводил письмо Адиля. (*Здесь и далее все примечания и комментарии — Ахмеда Магомедова*)

[2]Очевидно, что автор письма пишет это слово через дефис намеренно: это плюс отсылка к патологоанатомии выдает ироничное отношение художника к методам «старого» классического искусствознания, применяемым для современного искусства. Кстати, тема нового искусствознания, где исследователь не препарирует живое искусство, а подводит зрителя к пониманию через создание точно ориентированной среды для восприятия, поднималась Астемировым во время семинара в Третьяковской галерее в 1994 году. Семинар проводился для искусствоведов Москвы в рамках персональной выставки Адиля Астемирова «Проект “Онтосимметрии”, цикл “Не имеющие обозначений”». Это та самая выставка, на открытии которой Адиль назвал Джемаля «непосредственным участником проекта».

Смешно… хотел написать сухо, формализованно, но память, выдергивающая из прошлого воспоминания, всё равно окрасила сухо написанное в свои полутона… Не обессудь — «суше» не смогу...

P.S.: Не знаю, почему текст Гейдара Джемаля, написанный конкретно под определённый проект, живёт в сети без указания истоков его происхождения... Этот вопрос часто задают свидетели и участники тех событий... Но это вопрос не ко мне... Здесь, я думаю, довольно тривиальная ситуация… Сам знаешь, существует наследие гения, и существуют его наследники-распорядители…

__Письмо второе__

Салам. Ты настойчиво предлагаешь мне описать в подробностях ход прошлых событий, вспомнить детали того времени… Мол, «это нужно людям, это нужно для истории»… В принципе, «вспомнить всё», как персонаж Дика–Верховена[3], — это не сложно... У меня, несмотря на мой «преклонный» возраст, есть ещё память и корректирующие её дневниковые записи, есть тексты, которые я писал тогда... Понятно, мои дневники никогда не были чем-то вроде «учётных записей», они никогда не выполняли роль бухгалтерских отчётов, где дотошно фиксируется абсолютно «всё»... Но в дневниках присутствует главное — фиксация общей смысловой канвы происшедших событий... По поводу текстов… тексты, которые я писал, были предназначены для внутреннего пользования — для себя… в некоторых случаях — для чтения в кругу близких людей, для общего хи-хи-ми-хи… не более. Люди уже и не помнят, что когда-то была такая традиция в арт-тусовках — писать тексты, потом зачитывать их в кругу посвящённых... Тексты были разные: серьёзные, очень серьёзные, запредельно серьёзные, были никакие, были «стёбные»… и т.д. Конкретно у меня в мастерской свои тексты читали: Сергей Шерстюк[4] — он, нервно куря, сыпал цитатами из своего шизоидного «Ёмасала хухис»[5]… Максим Добровольский[6] читал главы из им же переведённого «Учения дона Хуана» Карлоса Кастанеды. Позже, в 1992 году,

---

[3] Рассказ Филипа Дика «Мы вам всё припомним» лег в основу фильма Пола Верховена «Вспомнить все».

[4] Сергей Александрович Шерстюк (1951, Москва — 1998, Москва) — российский художник, один из главных представителей гиперреализма в России. Член Союза художников СССР. Его работы находятся в Музее современного искусства (Оклахома, США), Музее Зиммерли (Нью-Брансвик, США), Музее современного искусства в Антверпене (Бельгия), различных российских музеях, а также в ряде частных коллекций в Европе и США. Занимался и литературным творчеством; отрывки из дневника Шерстюка были напечатаны в журналах «Октябрь» (2000, № 8) и «Комментарии» (2000, вып. 19), публикация Игоря Клеха, затем вышли отдельным изданием под названием «Украденная книга» (2001).

[5] Придуманное Шерстюком псевдорелигиозное учение, которое сводилось к клятве бороться с «жопами филинов» и «не быть мизерами никогда».

[6]Добровольский Максим Аркадьевич (р. 1954) — литературный редактор, переводчик, сын Аркадия Захаровича Добровольского, ближайшего колымского друга Шаламова.

книга с его переводом выйдет в издательстве «София»[7], будет одной из первых официально изданных «кастаньет» в нашей рассыпавшейся стране… слышал, что за этот перевод группа «адептов Карлоса», обожравшись грибами-кактусами, хотела придушить Макса... Игорь Дудинский[8], чёрно ёрничая, читал свои рассказы из «Записочек Фединьки Монахова»... Сергей Кусков[9] знакомил публику со своим исследованием о русских художниках-визионерах (меня он тоже включил в этот таинственный подвид)... Я вынужден был, чтоб не отставать от окружавших меня, сочинять какую-то мистическо-параноидальную лабуду, — понятное дело, до серьёзных текстов умом не дотягивал (не шутка)... Для меня такого рода сочинительство было схоже с безумной йогой, с немыслимыми для смертного человека «интеллектуальными асанами», которые растягивали-выворачивали-выкручивали мой мозг… позже, «в статике», я в награду получал подвижную, расширенную картинку мира, огромную территорию с вышибленными пограничными столбами… Я же тебе говорил, что сухо, коротко — не смогу... Не смогу повествовать без душной патетики, без старческого сентиментализма о событиях, которые для меня много значили, о людях, которых я ценил, к сожалению, многих уже нет… Многих нет, но у меня осталась внутренняя благодарность к ним за нескучное пребывание в поезде, на который мы не покупали билет. Благодарность за то, что они не были обычными, вечно спящими пассажирами и мне не давали уснуть... Мы вместе совершали это путешествие… мы ослепительно жили в этих мчащихся через время тёмных вагонах... Жили, не зная своей конечной станции, не зная часа, когда нас, не спрашивая, высадят в Ничто. Понятно, это знание — не наша прерогатива, оно находится вне нашего земного нарратива... Наша свобода воли, свобода выбора сводится к наполнению собственным содержанием нашего отрезка пути... Я благодарен своим попутчикам за то глубокое содержание, которое было ими создано в этом нашем увлекательном путешествии…

Видишь, как много слов получается! Я не смогу кастрировать из своей памяти ту нашу живую жизнь, высушить тот живой поток событий, в котором я жил, был его частью… Понимаешь, вот эта Живая пульсация для меня и есть единственная Истинная Ценность… а искусственные могильные цветочки и

---

[7]Первый перевод М. Добровольского был издан даже раньше — в 1991 году: Карлос Кастанеда. Учения дона Хуана. Путь знания индейцев племени Яки. М.: Миф, 1991 г.
[8] Игорь Ильич Дудинский (1947, Москва — 2022, Москва) — советский и российский журналист, писатель, арт-критик, художник, редактор, диссидент, издатель.
[9] Сергей Иванович Кусков (1956, Москва — 2008, Краснодар) — российский искусствовед и арт-критик.

без меня на нашу прошлую Живую жизнь бросят, всякую умную «хоразню»[10] и без меня всевозможные туфтари сочинят…

Письмо третье

Ты говоришь: «Продолжай…». Знаешь, есть ещё такая проблема: я могу описывать прожитые мной события только на «немецком» языке… Ты же не забыл эту мою старую шутку про «немецкий» язык… Вроде, рассказчику надо описывать события, связанные с другим человеком, говорить о другом, а он со старта, перескакивая ограничительные линии, переводит всё внимание слушателя на себя, начинает говорить на «немецком»: «я, я, я-я…я…»… Почему на немецком? Ты же помнишь: в нашем детстве во всех советских фильмах про войну немецкие оккупанты с наглыми конопатыми харями, с засученными рукавами, как у мясников, направляли чёрные автоматы на безоружных советских людей и, презрительно смеясь, всегда орали: «я, я, я-я…я…»... В редких случаях что- то выкрикивали на ломанном русском: «давать мне яйко, млеко… ты есть парти-зан-эн… мы те-бь-я будем не-много вье-шать…, я, я-я, я… шнель… ха, ха…»...

Почему-то объяснение о моём стёбе про «немецкий» язык сковырнуло в глубине памяти такой паттерн — всплыл такой фрагмент кино...

Меня пригласили на какой-то очередной вечер памяти Гейдара... Мы с Ирой, подтянувшись к предполагаемому месту, лавировали в людском потоке, искали, где будет проходить это мероприятие. Хаотично перемещаясь от дома к дому, пытались понять, в какой двор нам надо занырнуть... В какой-то момент к нам подходит женщина, одетая во всё чёрное с широким кожным поясом, обтягивающим талию, и голосом уставшего ясновидца строго говорит: «идите за мной...»… Женщина идёт быстрым шагом, мы покорно идём за ней… каблуки её чёрных сапог выстукивают какой-то знакомый военный марш… вроде этот:

Dann kriegt der Frust uns nicht mehr klein,

wir halten zusammen, keiner k;mpft allein,

wir gehen zusammen, nicht allein!

(Ахмед, успокойся, я знаю про эту бретонско-аграрно-сидровую песенку и её последующую «профано-реинкарнацию», — безотносительно всей этой

[10] Что-то сленговое от тюркского *хораз* — «петух».

поздней, лишённой исторических фактов, тёмной хрени… Согласись, песня очень весёлая — могла, в принципе, стать и военной)[11].

Мы безропотно следуем за женщиной… Моя жена Ира вопросительно смотрит на меня… я ей – тихо: «это Мелентьева, она знает куда идти…». Мы с Натальей Мелентьевой лично не знакомы, по каким признакам она определила, что мы друзья Гейдара, мне не известно. Когда-то в далёком 1996 году я подарил Гейдару журнал «ХЖ»[12] со статьей Армина Молера… тогда, вроде, впервые услышал от него про Мелентьеву[13]…

Мы в зале… Здесь много знакомых и незнакомых людей… видно, как присутствующие разбились на группы: группа знавших Джемаля ещё в южинский и пост-южинский периоды, группа, воспринимающая духовное наследие Гейдара только в границах Ислама, особняком расположились несколько арт-деятелей, которым важен исключительно поверхностный радикализм его учения… Здесь также есть люди, не знавшие Гейдара при жизни, но изучающие его труды… пришедшие сюда, чтобы узнать что-то новое, добавить в свой поиск новый инструментарий и т.д. Я увидел стоявших поодаль от всех, в самой глубине зала боевых офицеров спецназа ГРУ — генерала Александра Чубарова и полковника Владимира Квачкова (когда-то Гейдар знакомил меня со своим дядей — генералом Чубаровым[14]). Я подошёл к ним, представился, сказал, что рад их видеть в добром здравии. Ахмед, вспомни: я тогда тебя с ними сфотографировал[15]…

Началась официальная часть… На сцену по одному выходили выступающие, и я заметил интересную вещь: почти все говорили «по-немецки»! «Я…я-я…я»… Выступающие рассказывали исключительно про себя самих, про свои жизненные достижения, демонстрировали свои глубокие научные знания… Кто-то аж преподавал в высших вузах за рубежом, кто-то владеет аж шестью

---

[11] Имеется в виду бретонская «Песня о сидре». В России более известна адаптация этой песни на немецком языке с другим текстом и названием Was wollen wir trinken в исполнении нидерландской группы Bots. Адиль напоминает о распространенном ошибочном мнении, что немецкая версия являлась гимном или походным маршем военно-воздушных войск Германии — Люфтваффе во время Второй мировой войны (или маршем СС). На самом деле, песня была переведена и спета на немецком нидерландской группой Bots лишь в 1980 году.

[12]«Художественный журнал» (ХЖ) — российское теоретическое издание, посвященное проблематике актуального искусства. Одно из самых авторитетных изданий российского художественного сообщества: единственный независимый профессиональный журнал об искусстве. Выходит с 1993 года по четыре номера в год (иногда номера сдвоенные).

[13] Наталия Мелентьева — философ, публицист, директор издательства «Арктогея», преподаватель философии в МНЭПУ. Автор и ведущая программы «Философские чтения», супруга Александра Дугина.

[14] Александр Сергеевич Чубаров — (род. 1947 г.) советский и российский офицер военной разведки, генерал-майор спецназа ГРУ в отставке.

[15] Помню!

или шестьюдесятью шестью языками и даже перевёл что-то на русский… Кто-то написал и издал автобиографию, и в ней что-то есть даже про Гейдара… Оп! — фокус — чудо престидижитации: автобиографическая книга уже в руке автора-оратора… аплодисменты…

Ты же в курсе моей проблемы с восприятием: я могу понять только то, что увижу, не важно — перед глазами или мысленным или ещё каким-то взором. Человек произносит слова — а я вижу картинки, вижу кино. Я читаю книги — и вижу кино… в рамках этого кино живёт моё восприятие, приходит понимание… В этот вечер образ Джемаля мелькал где-то на периферии судеб выступающих… Отражение Гейдара фрагментарно появлялось в затенённых зеркалах повествующих… Здесь много зависело от того, к какой группе принадлежал рассказчик… (о сложившихся до начала официальной части вечера памяти группах я упоминал выше)… В каких только образах ни появлялся Гейдар Джемаль: то закусывающим хрустящими солёными огурцами, то в облаке трубочного табачного дыма… То представителем «гностического» Ислама, то — представителем «карамельно-халва-образного» Ислама… Помню, один выступающий выразился так: «у Гейдара свой, интеллектуальный, Ислам — он не такой как *это-ть...*»… Кто- то из зала парировал: «Вы не мусульманин! У Гейдара Ислам как раз-таки такой как надо — правильный...»… Знаешь, Ахмед, я не такой умный, я в этих теологических тонкостях не разбираюсь… Мне лично понравилось, как Александр Чубаров бережно и с восхищением вспоминал детство своего племянника Дарика (Гейдара)… трогательно рассказывал о его сверхнеординарных способностях, как маленький мальчик Гейдар самостоятельно изучил античную, немецкую классическую философию и т.д… как читал свободно книги на иностранных языках… как своими вопросами ставил в тупик преподавателей философии московских вузов, приходивших в гости… Ещё почему-то запомнилось выступление одной женщины, известного учёного, которая резюмировала своё сложно-научно-сплетённое выступление словами: «…к Джемалю тянулись женщины — и это уже о многом говорит!».

Знаешь, не могу пройти мимо одной важной детали… Помнишь то гигантское фото Гейдара на сцене… То самое — со скошенным жутким взглядом «царя инферналов» — его постоянно вешают на вечерах, печатают на обложках книг… Насколько мне известно, Гейдар в момент сьёмки не был серьёзен: он подшучивал над дочерью Касей… Поправь меня, если я ошибаюсь. Это не мой домысел — я же знаю историю рождения этого «трэш-фото». Смотри, что получается: Гейдар не выносил пошлости постмодернизма — мы с ним об

этом не раз говорили. Теперь его нет, и окружающий нас мир постмодернизма пытается втянуть в свои безразмерные декорации фигуру Джемаля. Гейдар, в шутку, как высоко-артистичный человек, ситуативно подыграл своим образом, изобразив на лице вульгарный трэшак, а люди — «охранители памяти», не углубляясь в суть, возвели этот комичный образ в канон. Вроде — чистый постмодерн?

В тот вечер памяти я принёс с собой одно из первых самиздатовских изданий «Ориентации — Север»... Помнишь, я ещё до общих выступлений показывал его небольшой группе знакомых? Рассказывал, как мне передал Дуда (Игорь Дудинский) этот текст «Ориентации», и как я его подпольно перепечатал в десяти экземплярах в Махачкале... Вспомни, как я этим невольно испортил выступление человека, который пришёл с самым первым или почти самым первым изданием...Он при своём выступлении не стал его показывать… Понятно, почему… Выходило так, что самый таинственный герметический текст московского андеграунда, — текст, который передавался строго в кругу сверхинтеллектуальной элиты, — оказывается, в это же самое время свободно гулял по рукам любознательных дагестанских горцев... Понимаешь, для них это было как гром среди ясного неба, давно сложившийся миф разрушался на глазах, происходила его десакрализация... Вспомни, как я, увидев кислые лица группы самых первых адептов «Ориентации», не стал выступать, не стал вносить ненужного «деструктива»... У меня не было умысла разрушать фундаменты чьих-то мифологий... Мне было без разницы — первый у меня экземпляр или самый последний. Я взял тогда, в древности, из «Ориентации» то, что мог на тот момент взять, и двинулся дальше к себе… Я в тот вечер всего лишь хотел рассказать про историю моего экземпляра… выразить благодарность Гейдару за его — по моему мнению, до сих пор недооценённый — колоссальный вклад…

<u>Письмо четвертое</u>

Салам. Уже говоря про то, что я всего лишь хотел рассказать про историю моего экземпляра «Ориентации — Север», было понятно, что ты попросишь, (возможно, даже потребуешь) рассказать её. Всё как-то получается в стиле детсадовского сценария… Я: «Жалко, что тогда моя история так и не была рассказана…» Ты: «Адиль, будь пацаном, я тебя прошу, расскажи!» Я: «какие проблемы, братан, конечно расскажу…».

Знаешь, надо ещё немного пояснений про мой стёб о «немецком» языке в предыдущем письме... Когда я комически, с элементами гротеска, обрисовывал тот вечер памяти, в моих картинках не было высокомерия.

Заметь: моя точка повествовательной проекции не была расположена «сверху» — она находилась в общей массе присутствующих... Я, говоря про то, что почти все выступающие переходили на «немецкий» язык — «я, я, я-я..я…», — не имел виду, что это было как-то необычно или плохо. Я вообще не понимаю, как можно рассказывать о другом человеке или событиях, «вычленив» при этом своё восприятие, себя. Мы все хорошо знаем, что «восприятие всегда стоит между реальностью и нами»... Как говорил Альфред Коржибски[16], «карта не есть территория», — следовательно, любое описание реальности не является самой реальностью. Давай ещё усложним всю эту конструкцию магриттовским интеллектуальным арт-выкрутасом Ceci n'est pas une pipe[17]… и не забудем Джорджа Бокса[18], повторяя за ним, что «все модели ошибочны, но некоторые полезны»… ещё украсим всё это афоризмом Ежи Леца «Если убрать из истории всю ложь, то это не значит, что останется только правда. В результате может вообще ничего не остаться»...

Я, когда слышу от людей «реальные истории», отражения общепережитого, всегда пытаюсь разглядеть, уловить в них интересующие меня отражения «скрытых объектов»... Это — как пытаться составить общее представление, воссоздать скрытый образ, наблюдая за периферийными отражениями во множестве искажённых зеркал… Множество зеркал своими отражениями создают подобие голографии… в этой голографии возникает геометрия невидимых объектов, обнаруживается незримая геометрия их присутствия, подобие небесной сингулярности, проявляются границы горизонта событий… Как ты понял, это я не о деконструкции говорю: в «правильной» деконструкции надо ещё и «деконструировать» самого «деконструктора»!
Вернёмся к вечеру памяти… Вот, что я ещё важное для себя отметил...Каждый выступающий повествователь, к какой бы группе он ни принадлежал, о чём бы ни рассказывал, что бы ни отражал своим зеркалом, — как только приближался к фигуре Гейдара, его «зеркало» непроизвольно перенаправлялось строго вверх… Возникало напряжение, мелкая моторика, подёргивание зеркала. Зеркало повествователя не могло вместить циклопическое отражение фигуры Гейдара... Гейдара нет с нами, он уже нами

[16] Альфред Коржи́бски (Кожи́бски, Коржи́бский, Корзи́бски, Корзы́бский; 1879, Варшава —1950, Лейквилл, штат Коннектикут) наиболее известен своими работами в области изучения языка и мышления. Является автором идеи создания новой науки под названием «общая семантика». Основатель института общей семантики. Автор книги «Наука и психическое здоровье» (англ. Science and sanity).
[17]На картине Рене Магритта «Вероломство образов» изображена курительная трубка, под которой выведена надпись «Это не трубка» (фр. Ceci n’est pas une pipe). Надпись кажется противоречивой, но фактически верна: картина с изображением трубки — это не сама трубка, а её образ.
[18] Джордж Бокс (1919 — 2013) — британский статистик, внёсший заметный вклад в такие области, как контроль качества, планирование эксперимента, анализ временных рядов и байесовский вывод.

воспринимается с дистанции, его фигура отдалена от нас временем. Беспощадное время, обобщая, сжимая, трансформируя формы, уже безвозвратно объело кучу деталей, но несмотря на это, до сих пор Гейдар парадоксально не вмещается в наши зеркала... Все присутствующие в тот вечер отражали, в лучшем случае, какие-то небольшие фрагменты… Не знаю, будет ли когда-нибудь масштаб «геометрии присутствия» Джемаля вместим в наши отражения… Вот отсюда мои слова, что для меня фигура Гейдара Джемаля — это «материализованная невозможность в окружающем нас мире, нереальная реальность»…

<u>Письмо пятое</u>

Ладно, давай, наконец, начну историю о моём экземпляре «Ориентации — Север»… Похоже, история будет длинная, запасись терпением, — сам напросился!

Помнишь, я у тебя спрашивал, когда точно появилось ротапринтное издание «Ориентации»? Я тогда пытался вспомнить, когда оно примерно появилось у меня… некоторые детали событий сместились, смешались в моей памяти, и дневники, тексты не всегда могут помочь… Они у меня — не бухгалтерские книги с чётким перечнем произошедших событий, они — просто зарисовки впечатлений, рисунки словами. Я думаю, «Ориентация» появилась у меня где-то в самом начале 80-х годов… возможно 1982 году… я только вернулся из армии…

Я, вернувшись после двухлетней службы в армии (Дрезден, Шморкау), начал активно мотаться по стране — Юг России, Кавказ, Прибалтика, Ленинград, Москва… Начало моим метаниям по стране было положено ещё с середины 70-х, до службы в армии, просто армия вырвала время из моей вольной жизни… надо было навёрстывать упущенное… Я подолгу тусовал в горах, но больше, конечно, в Москве, в Ленинграде. Зависал у старых-новых знакомых: художников, рок-музыкантов и у всяких свободных радикалов мысли...Понятно — впитывал всякую доступную альтернативу...

Давай попробую описать те кадры, которые у меня сохранились в памяти… о попадании в мои руки «Ориентации»... В точности незначительных деталей могу ошибаться. Предлагаю тебе смотреть моё кино вместе, те фрагменты, которые я ещё могу восстановить, воспроизвести…

Как-то я, заручившись самыми высшими рекомендациями своих друзей–музыкантов, поехал к каким-то их знакомым художникам — вроде, на Китай-

город... У них были редкие записи The Velvet Undergound[19] и фото концертных инсталляций, сделанных для «Вельвета» Уорхолом… были, ещё мне неизвестные, репетиционные композиции с участием Ники… Я взял с собой для «ченьч» несколько редких бутлегов[20] Фрэнка Заппы[21] и King Crimson[22]…

Старый дом... В квартире-коммуналке с очень высокими потолками жили молодые ребята — моложе меня...Помню, они делали работы-книги — такие рисованные книги с фотоколлажами, с вклеенными предметами: обломки фарфоровых чашек, дореволюционные открытки, срезанные мордочки кукол, фрагменты бижутерии, почтовые марки неведомых стран и т.д… всё раскрашено, много рукописного текста. Я рассматривал их работы-книги… ребята сыпали именами художников, о которых я никогда не слышал… Я в ответ, нарисовав на лице скучающую улыбку, пренебрежительно помахивал головой: «ну кто же не знает Ханну Блюмонтань, Эрика Крауза-Крика, Мирхайма Добреньюза, Тита Дратковича, Карлуша Фуртада[23]… и т. д…»… Мне налили чаю или кофе — точно не «бухню», поставили музыку, оставили в покое… Я слушал музыку… «вельветы» и «ника энд фикшен» мне были хорошо знакомы, с моей подачи они, и не только, из Москвы-Ленинграда-Риги перекочевали к нам на юг*а*, пели-играли в мастерских художников, будоражили беспокойный мозг ищущих… Играла музыка — этих записей я не слышал... Я курил и в такт музыки кружил по комнате… В какой-то момент вместе с облаком дыма подплыл к окну… Подоконник хаотично завален стопками самиздата: в позднем Совке, уже никто не прятал запрещёнку. На

---

[19] The Velvet Underground (пер: «бархатное подполье») — американская рок-группа, образованная в Нью-Йорке в 1964 году и стоявшая у истоков альтернативной и экспериментальной рок-музыки. Название часто сокращают до V.U. или The Velvets. В 1965 году менеджером группы стал знаменитый художник Энди Уорхол, предложивший группе использовать в качестве вокалистки на некоторых песнях певицу Нико. Репутация Уорхола помогла группе достичь ещё большей известности.

[20] Напоминаю: «ченьч» — обмен, «бутлег» (англ. bootleg) — аудио- и видеозаписи, составленные и распространяемые без разрешения правообладателя (от жаргонного названия подпольной торговли спиртными напитками во времена «сухого закона» в США в 1920-х — 1930-х гг.)

[21]Фрэнк Винсент Заппа (Frank Vincent Zappa; 1940—1993) — американский композитор, певец, мультиинструменталист, продюсер, автор песен, музыкант-экспериментатор, а также звуко- и кинорежиссёр. За более чем тридцатилетнюю карьеру охватил такие жанры, как рок, джаз, классическая музыка. Выпустил более 60 студийных альбомов, которые записывал как со своей группой The Mothers of Invention, так и сольно. Музыкант-самоучка.

[22] King Crimson (пер: «малиновый король») — британская рок-группа, созданная в 1968 году в Лондоне и на протяжении полувека много раз полностью поменявшая свой состав, за исключением её неизменного лидера — гитариста-виртуоза Роберта Фриппа. King Crimson оказали сильное влияние на становление прогрессивного рока начала 1970-х годов.

[23] Персонажи выдуманные, как объяснил Астемиров. «Я просто простебался: придумал “двинутые имена” Помнишь, в те времена такое часто бывало: болванские интеллектуальные тягания типа сыпать цитатами из Юнга или Лакана. Если они оппонентами прохаваны, то вылезали Деррида или Батай, Башляр, Бодрияр или джокер в колоде — кто-то типа Славоя Жижека. Тогда не было интернета, широкие массы общественности мало знали о таких типажах…»

подоконнике среди покосившихся пыльных стопок печатных мастаба[24] жили: два горшка чахлой бегонии, треснутый рапан с надписью «Судак-52г» и полураздетая гэдээровская кукла–негритянка... Не отрываясь от слушанья, начал разгребать эти печатные залежи… изучать, как археолог, что там есть… Ничего нового для себя не обнаружил: всё читано-перечитано... Там была ещё куча какой-то литературы на иностранных языках… иностранные языки я не знал, а хозяева, похоже, знали неплохо — не зря я их сходу определил как «двухголовых»... Я слушал музыку… Вошла хозяйка, поинтересовалась, надо ли мне что-нибудь. Я спросил у неё, есть ли что-то ещё кроме этого, указав на подоконник: «я всё это читал». Мои слова не удивили её… Видимо, рекомендации моих знакомых подразумевали, что я, ко всему прочему, ещё и конченый полиглот... Хозяйка на какой-то момент задумывается. Вдруг на её лице возникает выражение просветлённого озарения… Она внимательно смотрит на меня… потом заговорщически, таинственно улыбается и тихо говорит: «Дуда принёс Дарика “Ориентацию”… книга ещё не сшита»… Девушка медленно идёт к черному резному шкафу и достаёт из его тёмной глубины стопку двойных не разлинованных листов. Я сел читать — понятное дело, ни про каких Дуду и Дарика я ничего не знал… Я просто сразу доверился этой, мне хорошо знакомой, мимической смеси — улыбочка «я смеюсь, чтоб не плакать», лепесток сиреневого «инферно», кубик льда… коктейль подаётся в слегка разогретом ладонями бокале… По этой тайной алхимической смеси ищущие узнают своих… Листы у меня в руках, я начал читать — хорошо, что я сидел…

АБСОЛЮТ

1.Отношение реальности к абсолютному является универсальной проблемой духа.

2.В зависимости от решения этой проблемы, решается судьба самой подлинности духа.

3.Если реальность в целом действительно является абсолютной, дух — эфемерен…

…

Я читал… Вернее, смотрел кино, как обычно… Уже первые образы вызвали во мне полный «ахтунг»... Я потерял землю под ногами, на меня перестала

---

[24] Видимо, имеются в виду *мастаба* — пирамиды с усеченной вершиной, разновидность древнегипетских погребальных сооружений, прообраз позднее возникших на той же территории пирамид.

действовать сила земного тяготения. Я очутился в чужом визионе… Ты же знаешь, что моей любимой игрушкой с раннего детства был-есть калейдоскоп: я их делал, делаю для себя по сей день… Меня завораживает его неповторяющаяся геометрия паттернов, завораживает живущая в нём колдовская матрица, бесконечно порождающая таинственные образы… но какая бы неожиданная, фантастическая композиция в калейдоскопе ни возникла, она всё равно подчинена силе гравитации... Что-бы ни выделывала с преломлениями свето-узоров игрушка сэра Брюстера[25], она никогда не затрагивает наш глубинный покой, нашему глубинному сознанию–осознанию ничто не угрожает… Все узоры, все самые неожиданные конфигурации форм всё равно лягут в незримую канву многовариантного шаблона — шаблона, подчинённого силе гравитации… Как бы я ни тряс калейдоскоп, какие бы я ни выдавал звенящими в нём стекляшками синкопы, — стекляшки, успокоясь, послушно лягут на плоскость… Они не будут бесконечно висеть в воздухе, не будут свободно левитировать в пространстве, не будет этого фантастического хоровода нон-стоп в невесомости…

Образы, рождаемые «Ориентацией», парадоксально левитировали, они не подчинялись мне известным законам притяжения: как сказал бы сам Гейдар — образы были «внеконтекстуальны»… Всё, что я читал до этого (возможно, я мало читал) имело фундамент, на этом фундаменте строились самые разнообразные, иногда труднопостижимые конструкции Все знакомые мне построения прорастали из ранее рождённых форм, они имели земную геометрию… Во всех мне известных построениях — не важно, в виде тез, антитез или синтеза, — всегда присутствовала первичная, фундаментальная координата происхождения. Всё подчинялось закону гравитации... Образы, рождаемые «Ориентацией», свободно левитировали, они в любой конфигурации составляли законченный узор, звенящие кристальные формы узоров не имели полутонов, не отбрасывали теней… Меня не покидало ощущение, что я держу в руках материализованную невозможность. Я почувствовал, что мной овладевает состояние, которое я испытал когда-то в детстве… В детстве я пережил глубокое потрясение, которое сильно повлияло на меня. Наверное, есть смысл о нём рассказать, эту историю я рассказывал Гейдару… он, на моё удивление, отнёсся к ней серьёзно. Опишу в следующем письме, если захочешь …

[25]Калейдоскоп придумал в 1816 году шотландский физик Давид Брюстер.

Письмо шестое

История… Самое начало семидесятых годов двадцатого века… Дагестан, Махачкала… Я был маленьким мальчиком, почти подростком… отец работал тогда зам. министра лесного хозяйства ДАССР, в свободное время писал статьи о растениях для журнала «Наука и жизнь», рисовал, резал скульптурки из дерева… Человек был сверх эрудированный, с двумя московскими высшими образованиями, — «физик и лирик в одном флаконе»...

Он как-то меня взял в свою рабочую командировку… Инспекционная группа на «газиках-69» по бездорожью добралась до гущи Самурского леса. Помню, как мы со стороны Азербайджана пересекали вброд бурную реку… потом, спешившись, двинулись дальше, в самую чащу, в самое сердце тьмы...Не знаю, был ли ты в те годы там… Место было уникальное: густой лес покрывал всю дельту реки, вокруг — огромные деревья со свисающими лианами, колючие непролазные заросли. Реликтовый лес пытался отвоевать территорию у моря, корни деревьев как в тропическом мангровом лесу уходили в морскую воду... Сеть ручьёв, маленькие лагуны-озёрца… россыпь нетронутых людьми пляжей, на их золотых песках разбросаны драгоценные ракушки и белые кости гигантских осётров. Вне этих пляжей нет чёткой границы между сушей и водой: она скрыта изумрудным ковром морских водорослей… маленькие крабы как жуки ползают по деревьям… странные птицы вычерчивают спирали в небе, что-то вокруг безостановочно ползёт, прыгает, кричит, пищит, кусается... Наш отряд продолжает пробираться в глубину леса. Отец идёт впереди — в своей выгоревшей тёмно-коричневой фетровой шляпе, на плече трёхстволка-«белка», на поясе огромный охотничий нож. Он здесь — главный, потому и идёт первым и заодно следит, чтобы отряд не растоптал редчайшие эндемики. В общем, мы в конан-дойлевском «затерянном мире»…

Ахмед, перестань ржать, я же тебе обещал показать кино, сейчас эти кадры транслирует тебе мальчик Адиль из далёких семидесятых годов, будь снисходителен… В его защиту скажу: в этих лесах ещё в 50-60-е годы двадцатого столетия жили-не-тужили леопарды! Да, леопарды! Вспомни: нам в Дагестане только 1981 году удалось, наконец-то, от них «избавиться». Уродливое чучело последнего леопарда с аннотацией — где, когда и как был умерщвлён сей кровожадный хищник — до сих пор экспонируют в Махачкалинском краеведческом музее... Я так понимаю, Panthera pardus ciscaucasica — он же кавказкой леопард — был почище жеводанского зверя-оборотня… теперь леопардов у нас нет – «аллес капут»… есть чем гордиться!...

Ладно, продолжу... Уже ночь, жара так и не спала… духота... в предвкушении пира поют комары, вся группа под эту музыку готовится ко сну. Ещё вечером, скосив сухую прибрежную траву, соорудили общую лежанку… на ней — пахнущий резиной брезент. Люди, вымотавшись за день, лежат вповалку… Отец, приведя в нужный порядок дневные записи, отчёты-подсчёты, сложил тетради, карты в рюкзак, оглядев всех, выключил фонарь. Я лежу в одиночестве с самого краю… тухнут огоньки сигарет, затихает тягучая тихая речь засыпающих людей. Я лежу, накрытый отцовской курткой, куртка пахнет горькой гвоздикой и крепким табаком… под головой — военный вещмешок — всё по-взрослому… Я сам напросился в эту поездку… отец сказал: «Будешь наравне со всеми всё нести сам, никто с тобой нянчиться не будет, одна жалоба — и эта поездка станет для тебя последней! Это не увеселительный поход, а настоящая мужская работа»... Я в ответ утвердительно махнул головой: дал согласие на эту «инициацию» — это было моё твёрдое, мужское решение... Я знал: чтобы со мной ни случилось — отцу не будет стыдно за меня… без шуток говорю… если бы нужно было за общее дело умереть, я бы без раздумий умер. Я по сей день верю, как выживший из ума Дон Кихот, в сакральную силу данного мужчиной слова...Позже я с отцом, с его инспекционными командировками, изъезжу почти весь Дагестан, побываю в самых отдалённых его уголках…

В первый день в Самурском лесу, когда мы выгрузились из машины, все участники группы начали раскладывать приборы, инструменты, продукты по своим рюкзакам... Я присоединился, сунул в свой мешок банку консервов, буханку хлеба и потянулся за большой фляжкой с водой, не успел дотронуться до фляжки, как тут-же получил по шее… Мне шлепок отвесил какой-то здоровенный лесник… «малец, не лезь вперёд старших»... Ни в голосе, ни в выражении его лица я не уловил и оттенка злобы. Позже, по мере продвижения, я понял, что это было проявление настоящей заботы...Я шёл в ногу со всеми, не отставал, не показывал, что мой, с каждым шагом тяжелеющий вещмешок, пытается вдавить меня по шею в землю… Никогда не думал, что всего один измерительный прибор, пару невесомых шмоток и несколько килограммов снеди могут к концу дня стать подобием тонны свинца... На коротких остановках-передышках я не валялся, не падал в усталый обморок, как книжные «дамы с собачками»… Выполнял посильную работу, помогал с костром — костры я уже тогда мог разжигать в любую погоду, — в общем, был кем-то вроде юнги… Помню, на большом обеденном привале мы поели, всем в кружки налили крепкий, пахнущий дымом чай, раздали по два куска сахара. У своей кружки я обнаружил три (кто-то из

команды, похоже, пожалел «юнца») — я кинул в кружку два, третий кусок презрительно отодвинул. К концу дня почувствовал, что взгляды, обращённые ко мне, начали теплеть: крепкие мужики приняли меня в своё братство…

Я лежу в полной темноте — кто был вдали от цивилизации знает, какой непроглядной может быть ночь: не разглядеть даже близко поднесённой к глазам ладони… В чёрном небе нет ни одной засветки от удалённых населённых пунктов… просто ночное небо, которое миллионы лет транслирует одно и то же послание… Я смотрю в небо — в эту устланную чёрным ледяным бархатом бездну… чернота бархата кое-где проедена молью-временем… сквозь проеденные отверстия ко мне устремляется холодный, стронцианово-голубой свет созвездий. Я вглядываюсь в это гипнотическое мерцание… смотрю-разглядываю узор, созданный звёздами, потом переключаю внимание на тот скрытый рисунок, который находится в зазорах между звёздами, на тот чёрный небесный орнамент, который обычно воспринимается фоном. Я концентрирую своё внимание на этом чёрном узоре тьмы. Я, не моргая смотрю, смотрю, смотрю… и вдруг, в какой-то момент, исчезает моё «смотрение»… моё «я» смотрящего растворяется… меня втягивает в себя, не отражающая свет, бездна. Моя перцепция сдута дыханием этой бездны… Нет персонифицированного «я» наблюдателя, но само наблюдение сохранилось, — я не смогу описать его, нет слов, образов для его передачи… это как видеть одновременно всё сразу, абсолютно Всё! Видеть одновременно с бесконечного числа точек… правильней сказать, что нет наблюдательных точек, нет зазора между ними, — одно безграничное Виденье...Это было состояние неописуемого неземного Восторга, ни одна житейская утеха не сравнится с этим… Самые наимощнейшие земные «кайфы» будут выглядеть раздавленной липкой розовой карамелькой на фоне этого светящегося безбрежного океана Восторга-Радости… (сейчас прочитал, что написал, и приуныл от своих плоских, ничего не передающих, образов… Я же сказал — нет у меня слов для описания Этого… Я думаю, здесь не поможет и любая научная, околонаучная «феня», которой я не владею — структуралистская, постструктуралистская, хайдеггеровская, бахтинская, интеграл-традиционалистская, феноменологическая. Здесь не поможет и когда-то мне очень близкий Мерло-Понти[26]… и т.д… Я понимаю-предполагаю, почему Гейдар не любил читать свои тексты. Как затащить в

[26]Морис Мерло-Понти́ (1908 — 1961) — французский философ, представитель экзистенциальной феноменологии, восходящей к основаниям философии Гуссерля и Хайдеггера. Оказал значительное влияние не только на эти два направления, но также на герменевтику, структурализм и постструктурализм, теорию символа.

наш мир «не-затаскиваемое»? Как?... Создать-изобрести сверхновую уникальную коммуникацию, новый язык?
По этому пути, вроде, двигался Витгенштейн[27] — и куда он пришёл? Пользоваться приёмами дивных магов Востока? Но есть время Предопределения, из которого мы не можем выпрыгнуть, в каждой координате этого времени есть своя актуальная форма передачи знания... Предопределение воздействует на эту форму, на метод этой передачи... В зависимости от этого «здесь и сейчас» срабатывает по-разному… Вот задача: как, что и где петь? Как передать непередаваемое? Телемитскими фрикциями, дзенскими флатуленциями? Я не шучу про флатуленции — мне в Индии рассказывали про просветлённого мастера Дзен или Чань (без разницы), который таким образом делился с учениками знанием… с этими мастерами не поймешь, где у них шутка, где коан…
У меня в арсенале в данный момент — только слова, я буду, как могу, ими пользоваться.
Продолжу про тот свой ночной визион...Одномоментно с этим неописуемым Восторгом возникло состояние пронзительного безмерного Ужаса, который был страшней, чем смерть. (Понятно, я употребил слово смерть в «бытовом» смысле — знаю, что нет реального страха смерти: смерти мы не знаем… Есть страх утраты, гибели эго, которой мы боимся и которую мы называем «смертью»… Ты в курсе: я лежал в больницах и немного знаком с умиранием и с той жутью, которая тебя накрывает в этот момент.) Этот Ужас был страшней умирания… ужасней, чем любое представление об ужасе. В нём ещё присутствовал давящий холод вселенского одиночества…

Это состояние неописуемого Восторга и ужасающего Ужаса растворило само восприятие, растворило время… в какой-то момент перестало существовать всё… не было вообще ничего… исчезло даже само онтологическое «вообще»… Позже, не знаю когда, с какого момента, вдруг само по себе включилось «кино», кадры начали разворачиваться в обратной последовательности… моё «я» наблюдателя начало растождествляться… Вначале я себя, своё наблюдение начал обнаруживать где-то на периферии сознания… появился зазор, началось размыкание этого возникшего слияния с бездной… Я начал медленными перинатальными толчками возвращаться в

[27] Людвиг Витгенштейн (1889 —1951) — австрийско-британский философ, который работал в основном в области логики, философии математики, философии разума и философии языка. Считается одним из величайших философов XX века. По словам друга и литературного душеприказчика Георга Хенрика фон Вригта, Витгенштейн считал, что «его идеи, как правило, неправильно понимались и искажались даже теми, кто называл себя его учениками. Он сомневался, что в будущем его лучше поймут. Однажды он сказал, что ему казалось, что он пишет для людей, которые будут думать иначе, дышать другим воздухом жизни, чем современные люди.»

себя. Первое, что я почувствовал, ещё не до конца вернувшись, — это полную потерю силы гравитации. Я висел над небом, небо было подо мной. Я изо всех сил хватался руками за брезент, за траву, за землю… чтобы не упасть, не улететь вниз, в это черное небо ночи. Я не мог закрыть глаза, я не мог кричать… я почти ничего не мог, я ещё до конца не вернулся в себя. Позже, когда уже смог контролируемо двигаться… я встал и, покачиваясь, пошёл к морю… оно было в нескольких метрах от нашей стоянки… Я вошёл в тёплую воду, немного поплавал, нырнул… под водой, как обычно, открыл глаза. Подводная темнота, парадоксально, не пугала, а уберегала от ранее пережитого. Я был защищён, как ребёнок в утробе матери… Тёмная теплота воды проникала в моё тело… я постепенно возвращался во власть земного… Мать-вода убаюкивала, мать-вода растворяла воспоминание недавно пережитого, но она была бессильна смыть память перенесённого небесного Восторга-Ужаса, погасить образ «виденного» мной Света на Свету... Этот «ядовитый дар небес» так и останется со мной навсегда. Я из-под воды, как из-за юбки матери, взглянул на звёздное небо, — небо мне больше не угрожало. Я вынырнул и пошёл к людской стоянке…

Помню, как я эту историю рассказывал Гейдару, со всеми её деталями, — с лианами, манграми, скелетами осётров, леопардами, с командиром-отцом, с «бибигоновскими» описаниями моей недетской «крутизны», со смертью и воскрешением восприятия, с чудом виденья света, рождённого тьмой и т. д. Он, к моему удивлению, сосредоточенно слушал, не обращал внимания на все мои неуклюжие повествовательные «мэ… бэ… ээ»… Знаешь, при Гейдаре мне никогда не хотелось что-то «на умняках» говорить. Это как немому петь при Лучано Паваротти или демонстрировать Майку Тайсону искусство исполнения хуков, оверхендов… Гейдар уникален тем, что он, при всей своей мыслительной мощи, был ещё и фронтменом своих мыслей, раскрывал сложнейшие смыслы с неземной лёгкостью… Я ни разу не видел, чтобы он, размышляя, замолкал… или тратил время на подбор слов: он говорил так кристально ясно, как будто читал свой текст с невидимого экрана, — текст, заранее написанный и сто раз отредактированный… Слушаешь его и думаешь: вот она, алхимическая «свадьба» смыслов, кристаллизация происходит прямо на твоих глазах... Гейдар абсолютно самодостаточен — вроде зачем ему ещё кого-то слушать? Только если для развлекухи… Но нет — ему было реально интересно слушать и слышать другого. Когда я ему рассказывал о своём детском смотрении в чёрную глубину неба, он внимательно слушал, не перебивал, даже в какие-то моменты переставал есть...Помню, он только один раз уточнил: «это как-будто плотно сомкнули два зеркала, исчезли все

отражения»… Я ему: «Да, точно! Но при их смыкании не наступило никакой тьмы, тёмное не было чёрным, даже наоборот — всё стало слепящим светом, но свет не был привычно-светлым… в нём присутствовала какая-то неописуемая плотность»…

Когда я впервые читал «Ориентацию», или правильней — смотрел на образы, рождаемые её текстом, — пережил что-то, схожее с тем детским визионом... Не знаю, получилось ли у меня что-то тебе донести: слово — не моя сильная сторона… Наверное, поэтому я пытаюсь всю свою сознательную жизнь что-то изображать красками. Но, видит Господь, я старался…

Письмо седьмое

Салам. Я по телефону тебе рассказывал, как я тогда на той квартире впервые увидел Дудинского… именно увидел… не более… Этот момент в моей памяти почти стёрт. Ты говоришь: «Опиши с сохранением стёртости — так будет интересней». Ахмед, кому интересней?. Мне что — заниматься «шизоидной реконструкцией»? Я и так, описывая «Гейдара», не знаю с чего начал совершать какие-то немыслимые «прыжки в ширину». Вроде, хотел прыгнуть в глубину, а получается «в ширину»

Письмо восьмое

Да, Ахмед, надо отдать тебе должное… Почувствовав, что я начал терять интерес к дальнейшему «писательству-описательству»… как ты выразился: «пытаешься соскочить»… и этот твой снайперский выстрел: «а как-же ответственность перед людьми, которые тебя любили и которых сейчас нет… они сейчас беззащитней детей… ничего не могут сказать-ответить, каждый пидор, что хочет, может сказать про них и говорит… У тебя же есть своя правда, которую ты считаешь правдой… Я знаю тебя со школы, ты если о ком-то, о чём-то рассказываешь, выделяешь то, что считаешь самым ценным, отбрасывая всю земную шелуху… Твоё ценное очень созвучно с моим — пиши»… Ты, чтобы окончательно добить меня, прочитал вслух, как Дудинский подписал мне свою книгу (подарок для меня), и упрекнул, что я так и не соизволил даже забрать переданное мне послание, — по сути, проигнорировав приглашение Дудинского встретиться... В свою защиту, скажу… ты же знаешь, я никогда не был по жизни «понтарём» и не набивал цену своему «творчеству»… Пойми, я же не работник небесной канцелярии… откуда мне было знать, что срок билета Дуды в эту жизнь истечёт так скоро. Понимаю, оправдание слабенькое получилось… Перечислять навалившиеся на меня дела, описывать, как я каждой клеточкой слышу щелчки таксометра такси, приехавшего по мою душу, ожидающего меня у дома, —

бессмысленно… Ещё я тебе говорил, что для меня такое «писательство», где мой полёт ограничен территориями конкретных людей, территориями их жизней, — очень несвободно… Как, влетая на эти территории, не принести с собой ненужное? Смотри, ведь их окружением уже выстроены «карточные пирамиды» их образов. Понятно, что в любых «постройках-домиках» памяти, даже самых искусных, нет тех, кому они посвящены, они в них не живут, — они, переступив порог, покинули наш мир, их здесь нет, у них теперь другие задачи… Все эти земные «постройки-монументы» памяти возводятся людьми для себя самих… Знаю, возводятся из самых-самых благих побуждений, но осознано-неосознанно эти конструкции ориентированы, профилированы на земные жизни самих «строителей»… Зачем всё это теребить? Сам знаешь, что происходит, когда вольно-невольно притрагиваешься к этим построениям… Зачем теребить нутро там живущих, такие прикосновения только тревожат спящие «кишечные палочки». Эти «палочки» в ответ никогда не сконфигурируются хотя бы в одну благоприятную гексаграмму И-цзин…

Я тебе говорил, что для меня такая писанина, ко всему прочему, ещё и очень энергозатратна... Я, как водолаз, погружаюсь в Саргасово море моей прошлой жизни, — в этом море памяти все образы, как водоросли саргаса, сплетены между собой… Вытягиваешь одно — всплывает второе, третье и четвёртое… Начинают оживать доселе спящие, разно-размерные «энергетические раковины»: их, зажатые прежде толщей воды-времени створки, начинают размыкаться… Хочешь не хочешь, надо дышать, интегрировать… короче, «ребёфить» весь этот оживший мусор… а у меня, в отличие от водолаза, нет защитного скафандра, мне никто через шланги не подкачивает воздух… В нашем недавнем телефонном разговоре я именно в этом смысле сказал, что всё это очень энергозатратно…

<u>Письмо девятое</u>

Ты – мне: «Пиши, всё окупится»… Всё, что я делаю, никогда не подразумевает «окупаемости». Ладно, я понимаю, это сказано было тобой в хорошем смысле слова… Буду, по возможности, «сушить» повествование… но вряд ли это у меня получится… Так что запасайся попкорном, скоро продолжение кино…

Про Игоря Дудинского — Дуду…

Я уже рассказывал о том, как впервые читал-смотрел «Ориентацию — Север», как держал в руках материализованную невозможность… Я тогда понял, что без этого текста отсюда не уйду… я не видел, кто мне это может помешать сделать… эта добыча небесами предназначалась мне, она была моей… Я

дождался хозяев… до меня доносился их периферийный «нойз»… я слышал, как они постоянно пробегают по коридору, что-то берут, с кем-то говорят, чем-то шуршат...Ты же помнишь ту «древнюю» советскую Москву, где в старых дореволюционных квартирах-коммуналках с кучей мелких комнаток-келий, с коридорами, заваленными всякой всячиной, с тёмными липкими кухнями, с душевыми, расположенными в самых непредсказуемых местах, и строго одним туалетом на всю толпу, тусовалась всевозможная «прикаянная-неприкаянная» арт-братия и всевозможные «нетипичные типажи»… В общем, я дождался хозяев и сказал им… много что сказал. Суть была такая: мне, как воздух, необходима эта книга, мне надо её внимательно прочесть… Я должен у них взять эту книгу минимум на три ночи… (вспомни: тогда, в те времена, такого рода книги давались, как правило, на одну ночь. Странное было времяисчисление — «ночами»)…

На мою просьбу-требование мне ответили, что книга чужая, дана на прочтение, и надо договариваться с хозяином… «пойдёмте, он здесь»… Меня через лабиринт комнат куда-то повели… Мы остановились у большого дверного проёма, двери не было, вместо двери висело лоскутное одеяло, как занавес в кукольном театре… Я вежливо постучал кулаком по стене… Нас пригласили войти… В комнате полумрак, на столе натюрморт «бухаем несколько дней почти не закусывая»… Из-за стола на нас пронзительно смотрит большеголовая женщина — Блаватская… На её голое тело накинуто «самовязанное» платье–сеть, (такой сетью морская великанша Ран затаскивала корабли и бедолаг-моряков в свои морские глубины[28]), на её запястьях гигантские азиатские браслеты-наручники — возможно, художница или арт-маркитантка... Из тех тёток, у которых главная эрогенная зона — это мозг (ты таких знаешь): пока не вытрахаешь им весь мозг, у тётки оргазма не будет… Но центральной фигурой на этом полотне был, конечно, крупный мужчина в расстёгнутой почти до пупа байковой рубахе, с голыми пятками, торчащими из-под стола… В его образе был один парадокс — это не соответствующий обстановке, не замутнённый алкоголем живой взгляд… Я знаком с таким редким типом людей: неисчислимо выпитое пьянит их тело, веселит их до неистового буйства, но оставляет незамутнённым, ясным центральные участки сознания… Знаешь же таких: тело пьяно, чувства пьяны, рептильный мозг пляшет, но главный центр «принятия информации», центр восприятия, — трезв…

[28] Ран — персонаж германо-скандинавской мифологии, великанша, штормовое божество моря. Ран владела волшебной сетью, которую набрасывала на корабли, чтобы утащить их на дно и там поживиться добычей.

Меня представили… Я не став плести замысловатых словесных кружев, просто сказал, что мне нужна «Ориентация» на три ночи… Мы молча посмотрели друг другу в глаза — в ту позволенную глубину… Возможно, моё молчание или мой вид были предельно убедительны… Мужчина, нарисовав губами улыбку, сказал: «Отдайте ему на х.. “Ориентацию” Дарика — вижу, она ему реально нужна!» И повернувшись к своей спутнице, продолжил прерванное общение. Книга у меня — это главное… Я, как античный герой, получивший искомое, иду по лабиринту к выходу, вслед слышу минотавра пьяный вой: «Запомни: меня зовут Игорь… Дуда…» Запомнил… У меня на эту ночь был билет в Махачкалу, я улетел с книгой в Дагестан… Я не нарушал договора: ни из чего не следовало, что «Ориентация» должна быть прочитана в Москве...

В Махачкале я обратился к своему соседу по дому — неуспокоенному по жизни, из нашего пришибленного легиона «вечноищущих», — Шамилю Зубаирову… Он работал главным технологом на лакокрасочном заводе и имел доступ к ротапринту… Ты же помнишь: тогда все такого рода «опасные» для власти гаджеты были под контролем КГБ...Шамиль в течении двух ночей втихаря перепечатывал «Ориентацию» и, как подпольщик, спрятав под одежду запретные листы, выносил их… Отпечатали, вроде, десять экземпляров… Позже я узнал, что Шамиль произвёл себя в миссионеры и начал активно «ориентировать на север» местных «ищущих»…

…Насколько мне известно, спустя годы именно через Шамиля «Ориентация» попала к Сабиру Гейбатову. Сабир знал работы Гейдара — это видно по прямым отсылкам к Джемалю в статьях о моём творчестве… Вот из его текста: «В картинах А. Астемирова можно подчеркнуть ту особую функцию Черного Цвета как светодарующего начала и имеющего прямую связь с сакральностью Черного и/или с ролью Черного света в суфийской мистике, или с той черной амальгамой, которую Джемаль называл “следом Бога”[29]…»... Кстати, Сабир написал три или четыре статьи о моей роли в развитии современного искусства Дагестана и всего Кавказа. Не опубликованы — как говорится, «по независящим от нас причинам»… Сабир — человек творческий, тонкий интеллектуал, талантливый художник — знал-чувствовал, как неимоверно трудно перетащить в наш мир не перетаскиваемое, открыть доселе скрытое… Мы с ним были давно знакомы, но активно начали общаться с 1996 года, — на выставке в Махачкале он подготавливал перформанс, посвящённую Йозефу

[29] Г. Джемаль. Новая теология. Лекция № 2.

Бойсу[30] (между прочим, это был первый перформанс в Дагестане). Ему нужен был сильный источник света, который он хотел использовать для слепящих ударов из дыр в гигантском войлоке, расстеленном в выставочном зале. Я ему предложил свой мощный экспедиционный фонарь. В общем, арт-действие прошло как надо: вызвало культурный шок у зрителей. Сабир забрался под войлок, издавал странные выкрики, воспроизводил ката карате (он занимался много лет восточными единоборствами)... Снопы слепящего света вырывались из дыр войлока, с потолка свисали войлочные птицы и животные, по стенам — хоровод призрачных теней. Главное, всё это было сделано талантливо и профессионально, без всех этих трюков шок-дилетантов. Он не раз приезжал в Москву, мы встречались, переписывались… Сабир был близко знаком с Абдусаламом Гусейновым[31]…

Ахмед, я думаю, что Гейбатов — один из немногих дагестанских искусствоведов нового поколения, понимавших, как развивается современное искусство в нашем регионе.

Ладно, продолжу главное повествование…

Я через три дня вернулся в Москву, вернул взятое, умолчав о том, что вирус «Ориентации» выпущен на свободу ещё и в Дагестане…

<u>Письмо десятое</u>

Всё, что я описал выше, — появление у меня «Ориентации», распространение и т.д. — как-то рассказал Гейдару. Мы сидели в моей мастерской на «Динамо», смотрели работы… Я показал ему свой махачкалинский экземпляр, — он без обложки, истрёпан до предела, весь в странных пятнах, разводах, рваных царапинах, сшит замысловатыми узлами швейной нитью. Короче, внешне — в сторону известной книги фон Юнцта[32]… Гейдар тогда меня удивил фразой: «Надо у вас её взять перечитать…»

На мой вопрос: «Неужели у вас нет своего экземпляра?», — ответил: «Нет». Ахмед, ты говоришь, что он так относился к «Ориентации»… Не думаю, что это именно к «Ориентации» такое исключительное отношение. Возможно,

---

[30] Йозеф Бойс (1921 —1986) — немецкий художник, один из главных теоретиков постмодернизма. В первой половине 1960-х годов стал одним из основоположников специфической разновидности искусства перформанса, показывая тупиковое отчуждение современного человека от природы и попытки войти в неё на магически-«шаманском» уровне. Использовал для арт-объектов материалы типа топлёного сала, фетра, войлока и мёда.

[31] Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов (род. 1939) — советский и российский учёный-философ, специалист по этике. Академик РАН, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова (1982), заведующий кафедрой этики МГУ (с 1996 года). С 2006 по 2015 год — директор Института философии РАН.

[32] Фридрих Вильгельм фон Юнцт — персонаж мифологии Ктулху, созданный Робертом Говардом.

ему не хотелось видеть результаты затаскивания в наш материальный мир «незатаскиваемого»… Мне, как художнику, понятна чудовищная разница между намерением и материализацией и возникающая в связи с этим глубинная неудовлетворённость. Может, что-то подобное испытывал и он… не знаю, я у него про это не спрашивал…

Продолжу про Дудинского… реальное наше знакомство произошло в 1987 году, нас познакомил мой друг Лев Мелихов[33]. С этого момента мы часто общались, он бывал в моих съёмных мастерских, на открытиях моих выставок, мы пересекались на всевозможных арт- и не арт- мероприятиях, тусовках. Знаешь, смешной случай был в начале 1989 года. Игорь написал статью о нашем с Ирой творчестве для журнала «Огонёк». Многие люди уже не помнят, что «Огонёк» в те годы был культурным рупором перестройки, выходил миллионными тиражами. Дудинский написал к нашим работам ёмкую сопроводительную статью — и нас мгновенно убрали из уже подготовленного номера! И это — в разгар перестройки, в самом «свободнословном» «Огоньке» Коротича… Цензура? Я не мог понять, за что сняли материал про нас из уже готового номера. Я связался через знакомых журналистов с ответственным редактором, чтобы выяснить, что такого крамольного в наших работах, что их нельзя опубликовать в журнале, — ведь уже публиковали почти всё и вся… Меня пригласили в редакцию и дали почитать сопроводительную статью Дудинского, я её до этого не видел… Да, Дуда удружил! Он придал моим рассуждениям о евразийском авангарде самый радикальный вектор, ещё добавив, чтобы читателям мало не показалась, исламского экстремизма. Ты, возможно, помнишь: я в те годы был захвачен идеей создания евразийского авангарда, много сил потратил на решение этой задачи. Много работ в этой парадигме исполнил. Вспомни, хотя бы, мой проект в ЦДХ — «Возможный ответ»… В евразийском авангарде я тогда видел единственную силу, которую можно противопоставить захватывающей мир раковой опухоли постмодернизма. Сам знаешь, как в те годы воспринималось евразийство, с кем и с чем его ассоциировали. А про исламский экстремизм — просто молчу. В общем, сопроводительную статью редакторы почистили, кастрировали, ужали до нескольких строк, оставили лёгкий наезд на власти Дагестана (было за что), и выпустили почти через год, в октябре 1990… Тема евразийского авангарда всё равно всплывёт в российской печати благодаря Игорю. Он в моей съёмной мастерской на Динамо проведёт круглый стол. Тема была «Что ожидать от предстоящего

[33] Культовый советский и российский фотограф (р. 1951), член Академии художеств.

мега-события Арт-Миф[34]»… Тогда таких масштабных, официальных мероприятий, посвящённых современному искусству, в Москве не было, никаких московских биеннале не было, — это было начало новой эпохи. Результаты нашего круглого стола были опубликованы в, уже не подпольной, арт-газете «Галерея». Современное искусство начало входить в народные массы… Вот заголовок из интервью со мной: «Мы вовлечены в мистерию создания нового евразийского авангарда». В этой газете, помню, есть интервью с участниками нашего круглого стола Львом Мелиховым, Ксенией Богемской, с Таисией Бондаревой, Сергеем Шерстюком и т. д… Сам «Круглый стол» был большой, многолюдный: Шариф Шукуров[35] с женой Рипсиме, Лев Мелихов с супругой Наташей, Елена Майорова[36], Виталий Пацюков[37]… всех уже и не вспомнить… Это было 16 августа — день моего рождения… Игорь Дудинский мне говорит: «Адиль, у меня редакционное задание — провести круглый стол с участниками и экспертами будущего Арт-Мифа. Может, проведём сейчас у тебя — Я в галерее Иры Пигановой пару интервью уже взял, надо больше… где я потом всю эту толпу соберу…» Я ответил: «Хорошая идея — стол у меня не круглый, но зато большой и неформальный. В общем, заодно и про Арт-Миф поговорим». Общение было живое, весёлое, иногда даже очень, и, понятно, серьёзное: ведь веселье не исключает предельной серьёзности. Дуда в финале исполнил свой фирменный трюк — верней, полутрюк, потому что разделся только до пояса, — и предложил участникам круглого стола на прощание написать на его животе пожелания Арт-Мифу. Люди у меня на дне рождения собрались творческие — их два раза просить не пришлось: все похватали разноцветные фломастеры, кисти и принялись за работу. Пожеланий было много, живота не хватило, пришлось расписывать и спину… Удивил знакомый Дуды — француз, приехавший в Россию изучать Достоевского: он поверх благозвучных пожеланий, остроумных рисунков, чёрной масляной краской написал слово из трёх букв… Видимо, пока это было единственное, что смог усвоить из всего богатства русского языка бедный француз…

[34] Арт-Миф — международная художественная ярмарка, проводившаяся в Москве с 1990 по 1993 год в ЦДХ и Центральном выставочном зале «Манеж».
[35] Шариф Мухаммадович Шукуров (род. 1948) —российский искусствовед, доктор искусствоведения. С 1990 года заведующий Отделом сравнительного культуроведения в Институте востоковедения Российской Академии наук.
[36] Да, это та самая Елена Майорова — советская и российская актриса театра и кино, супруга Сергея Шерстюка, трагически погибшая в 1997 году.
[37]Виталий Пацюков (1939 —2021) — советский и российский искусствовед, куратор, автор теоретических исследований в области современного искусства, член-корреспондент РАХ (2012).

<u>Письмо одиннадцатое</u>

Вроде, про Дудинского достаточно… рассказать мог бы очень много всего — на тридцать три тома «весёлых историй» хватило бы…

Знаешь, хотел бы осветить один вопрос… Он вроде уже не очень актуальный и достаточно стёрт временем, но на вечере памяти Гейдара всколыхнул публику… Кто-то даже проорал: «Дуда — а что он сделал, просто бегал за горючим и только! Какое участие его в “Ориентации”?…» Как ты понял, я об этом пресловутом участии Дудинского в написании «Ориентации»… Помню, эта приписка «при участии» в своё время много шума наделала… В точности уже не скажу, где она появилась, в «Мулете» Котлярова-Толстого или в каком-то другом издании… Я на неё тоже обратил внимание, и у меня возникли к Дуде вопросы… Это было странно… Ведь Дудинский никогда и нигде не говорил, что писал «Ориентацию» вместе с Гейдаром, был соавтором. И это все знают… Никогда он этого не говорил! Точка! И ещё добавлю, такого пиетета в отношении к Гейдару я ни от кого не слышал. Он реально считал, что «Дарик — это Дар нам всем»… Даже использую столь нелюбимую мною патетику: Игорь любил Гейдара!… Я не стал, как многие мои знакомые, сходу вдалбливать его имя в землю, а просто при встрече прямо задал этот вопрос Игорю… Далее его ответ об участии в создании «Ориентации»… Попытаюсь напеть суть его слов, опустив всю обсценную лексику… Это звучало примерно так — звучало громко, с искренним надрывом: «Пойми, Адиль, без меня не было бы этой книги! Ты плохо представляешь Дарика той поры: он жил, не касаясь земли, он никогда бы не стал что-то сидеть-писать для людей… для всяких этих будущих поколений… Мы, южинцы, жили в другом формате времени… у каждого из нас разной величины горящий метеор торчал… в голове, в сердце, в заду… В общем, дым, искры и огонь разлетались во все стороны… Я хотел, чтобы хоть что-то осталось от нас, кроме дыма и искр… Было очевидно, что предопределение нас всех собрало… Я — не олимпиец, я не тянул на эту роль, и она мне была не нужна, Богам — Богово, но я участник и свидетель, я часть этой мистерии… Это была моя идея — создать сверхтекст… и эта идея захватила Гейдара… он диктовал, лёжа на диване, я записывал, потом, печатал… Потом читал ему, он исправлял, уточнял… мы в таком режиме больше двух месяцев проработали… Я сделал всё возможное, чтобы “Ориентация” появилась на свет, я как повивальная бабка был при Гейдаре, ребёнок — не мой, я его не рожал… но без моего участия его бы не было!…»

Не знаю, смог ли я тебе передать, как мне Игорь, с предельным откровением, почти крича, объяснял про своё участие… Знаешь, я ему верю… Ты бы его

видел, слышал тогда, — сам бы понял, что это правда… Думаю, мои воспоминания никому не навредят (прямые участники описываемых событий покинули наше путешествие, их уже нет в нашем поезде)… А это — кто что кому подносил — не аргумент… Ну подносите вы — уверен: ни то что «Ориентации» — «Му-му» не выродите… А так — не в лицо говорить гадости, это конечно круто-смело… бесстрашные вы мои «берсерки»… знаком я с этим ссыкливым московским интеллигентным героизмом[38]…

Теперь про Дудинского — всё.

<u>Письмо двенадцатое</u>

Ты спрашивал, как я познакомился с Гейдаром, о моём первом впечатлении… Из предыдущего повествования понятно, что я вначале познакомился с «Ориентацией»… Посещая Москву, мне в тусовках доносилось о том, что когда-то существовал, (существует) тайный «чёрный орден»… южинская группа… прибежище самых конченных радикальных интеллектуалов… Почему их не трогают «гэбэшники»? Ответы обычно звучали расплывчато, про то, что они вроде связаны с «аквариумом» — с ГРУ, или про то, что они на тайной службе «Цэ-Ка» — неприкасаемые кремлёвские маги… Тогда ходили всякие домыслы, мифы про кремлёвских магов, красных оккультистов… Сведущие люди говорили о живущем до сих пор наследии Георгия Гурджиева, Глеба Бокия, Александра Барченко… о секретных миссиях Блюмкина… о тайных исследованиях Бехтерева… зоопарке Дурова… «ищущие» копали в той стороне — и много что находили… (Не как в 80-90-х «попсовики» — посмотрев фильм про «потерянный ковчег», прочитав книгу Жака Бержье и Луи Повеля[39], вдруг открыли и начали раскручивать тему Туле, Аненербе и т.д.) Вспомни — в 80-х сколько шорохов в стане «неуспокоеных» создали сведения об Андроповском проекте «Орион»…

Ну сам подумай, это же было как-то «странноватенько»… У нас в Махачкале выходит на площадь преподаватель института Вазиф Мейланов[40] с картонкой, на которой неровным почерком написано: «Свободу слова! Свободу

---

[38]Адиль излишне сердится, вспоминая неких болтунов. В июле 2021 года в интервью «Радио Свобода» Игорь Дудинский заявил однозначно, закрыв все вопросы: «"Ориентация – Север" целиком и полностью написана Джемалем. От первого до последнего слова. Моя заслуга в том, что без меня она не была бы написана...» (см. Гордей Петрик. Призраки московской богемы. Воспоминания Игоря Дудинского.)

[39] Книга Жака Бержье и Луи Повеля «Утро магов» была очень популярна в России начала 90-х. Книга представляла собой, по мнению Мирча Элиаде, «любопытную смесь популярной науки, оккультизма, астрологии, научной фантастики и техники спиритуализма»

[40] Вазиф Сиражутдинович Мейланов (1940 — 2015) — социальный философ, математик, «частный политик», писатель, советский диссидент, политзаключённый с 1980 по 1989. Известен критическими работами по теории социализма, а также необычайной стойкостью и неуступчивостью властям в период заключения.

академику Сахарову!», — и его отправляют в самую «туруханьскую-турухань»… Он там сидит десяток лет, отказываясь ёлки во льдах пилить… Сахаров уже в Кремле с трибуны выступает, ест осетрину в кремлёвском буфете, а наш Мейланов продолжает в карцерах без еды сидеть… Я был с ним немного знаком… даже поучаствовал в организации письма о его судьбе для Елены Боннер… Уже точно не помню — вроде, Рамазан Рамазанов был инициатором: он постоянно звонил Боннер… Вазиф Мейланов в Махачкале после освобождения заходил ко мне, мы много говорили… Мой дед - поэт, нарком просвещения Дагестана тоже в той стороне 19 лет в сталинских лагерях отсидел… Вернулся, с полной потерей здоровья и полной реабилитацией… Вазиф, если оставить в стороне его политические взгляды, волевой, непрогибаемый человек, — из таких клинки для кинжалов можно делать… Он же был рафинированным учёным, окончил МГУ, его работы по математике на западе печатали, но, попав на зону, он ушёл в полное «отрицалово», став, по сути, политическим «заключённым в законе»… Его так и не смогли сломать… Понимаешь, в Махачкале за картонку «свободу Сахарову!» — «турухань», а в самом сердце нашей родины, в Москве, целый тайный чёрный орден существует! Со всякой древнеарийской хренью… и в ответ — полная тишина… Не кажется это «странненько»? Потому и возникали все эти легенды и мифы о «ложах», о неприкасаемых магах Кремля… Я, кстати, был знаком ещё с одним удивительным персонажем из другого конспирологического списка, о котором тоже ходили легенды, — с Элием Белютиным[41] (Белуччи), несколько раз был в его квартире на Никитском бульваре… Советское время — художник пишет гигантские абстрактные холсты, спорит на выставке с самим Хрущёвым… И живёт в огромной квартире, увешанной до потолка холстами мастеров мировой классической живописи: Леонардо Да Винчи, Тициан, Эль Греко, Веронезе, Рембрандт, Рубенс… Множество скульптур — античные боги, мраморный демонический «Юный Фавн» работы Микеланджело, бюсты Вольтера, Руссо скульптора Гудона… и т.д… Итальянскими экспертами коллекция оценена на миллиард долларов!… И живёт спокойно: ни государство, ни криминал не трогают Элия… Как здесь не поверить в существование оккультного подтекста, в конспирологию… В 1989 году наши работы с Белютиным будут висеть рядом

[41]Элий Миха́йлович Белютин (1925 — 2012) — советский и российский художник, педагог и теоретик искусства. Проделал путь от абстрактного экспрессионизма к сугубо схематичному письму позднего периода. Опираясь на положения конструктивизма и супрематизма, создал свой особый художественный стиль, так называемую «модульную живопись». Белютин разработал авторскую теорию «всеобщей контактности», пересекающуюся в своих изначальных посылах с известной теорией Г. Юнга о занятии живописью как способе терапии при психотических состояниях и других нарушениях психоэмоционального строя.

на выставке-аукционе советского современного искусства в Версальском дворце конгрессов…

Продолжу про южинцев… Из бывшего южинского круга я больше всего слышал об алхимике-чародее Евгении Головине — всякие инфернальные легенды… Их рассказывали-сочиняли тогдашние мои знакомые, художники-гиперреалисты — Сергей Шерстюк, Алексей Тегин… Ещё гуляли среди богемы тёмные произведения Мамлеева — не знаю, почему у меня они ассоциировались с наследием Алексея Ремизова и с вурдалаками Алексея Толстого…. Ну о Дудинском я уже рассказывал…

Теперь странная история… Ты её хорошо помнишь… Мы ехали с тобой на машине по Москве… Я в очередной раз плёл какие-то эсхатологические умняки про людское тотальное тупорылье, про то, что люди ждут, что настанут последние времена, что настанет всем «труба иерихонская»… Не понимая, что проект люди-земля закрыт небесами, мы-человечество, «трудами» всех поколений, просрали свой шанс на спасение… И не будет семи труб ангелов-архангелов, четырёх всадников, сломанных печатей, рагнарёка, ахыр замана — всего этого последнего, торжественного опереточного сценария… Даже очистительных живодёрских пыток не будет — не заслужили… Если что и будет в конце времён, то, скорее всего, появится в небесах гигантская стрелка с надписью: «на х.. это туда», и — Всё! «дэ энд»... Потом я начал, не знаю с чего, цитировать куски из гейдаровской «Ориентации»… Ты меня спросил: «Откуда это?» Я сказал тебе, что это написал самый конченый «шизоид» из живущих сейчас на Земле — Гейдар Джемаль… («шизоид»… «шизоидная» музыка, литература, работы… и т.д… этот эпитет в арт-тусовке в те времена считался наивысшей оценкой…) Я хорошо помню, как ты непринуждённо, с безразличием сказал: «Я лично знаком с Гейдаром.»… Это было ахтунг-неожиданно — как разрыв плёнки при просмотре фильма в кинотеатре… Для меня, в моей картографии, Гейдар — это где-то там, за пределами досягаемости летает среди джиннов, наблюдает за полётами метеоров, а тут выходит, что он сидит, с Ахмедом чаёк попивает… Я сказал тебе: «Познакомь меня с Джемалем — вот выставка моя «Возможный Ответ» скоро открывается, приведи его на открытие»… Так и случилось: я на открытии впервые встретился с Гейдаром Джемалем… Это было в 1992 году, в ЦДХ…

<u>Письмо тринадцатое</u>

Ты говоришь, что был знаком с Гейдаром как с Гейдаром, но я, моё сверхсерьёзное отношение к Джемалю, заставило тебя сфокусировать свою

оптику на Гейдара, как на воплощённую невозможность… нереальную реальность… Ну а я благодаря тебе познакомился с ним лично, с его «материальным» аспектом… Так что — взаимозачет…

Выставка в ЦДХ… Я уже представлен Гейдару, хожу с ним по залу, раскрываю свои экспозиционные замыслы… Гейдар слушает, практически не задаёт вопросов… Я абсолютно спокоен — не хожу перед ним на полусогнутых ногах, у меня есть запредельное восхищение «Ориентацией», но нет этого заискивающего пиетета… Так сложилось, что я — представитель своей территории, своей зоны ответственности. Людей или их следов, запахов, на этой территории я не наблюдал… Да, я знаю, что на периферийных землях, пограничных моим исследованиям, есть люди, есть своя иерархия, цари-воины-рабы-воры-торгаши… Но там, куда я заныривал, человеков и следов их пребывания я не замечал… Возможно, этим и обуславливался мой такой долгий интерес к этим девственным, нетронутым краям… Хочу поведать тебе, Ахмед, об истоках моей поведенческой уверенности-самоуверенности… Она берёт начало в самом раннем моём детстве… Сам посуди — я с раннего детства был директорским сынком: отец был директором мебельной фирмы «Каспий»… правильней сказать, не было поначалу в Махачкале никакой фирмы «Каспий», а было два зеркальных цеха и подсобные помещения, в которых пилили лобзиком ажурные полочки — и всё… Именно отец, с его неугомонным характером и коммунистической верой, что земля принадлежит крестьянам, а фабрики рабочим, соорудил в Махачкале мебельную фабрику и сразу вывел её из местного подчинения: головное предприятие было в Ростове… Я это помню не из воспоминаний «старцев», а сам… В течении нескольких лет у разрастающегося коллектива фабрики не было выходных суббот, а были субботники… Всё время все что-то строили — и не только рабочие и служащие, но и члены их семей… Мы строили светлое будущее, а не абстракцию: к нему уже можно было прикоснуться… Появлялись цеха, был построен детский сад, фабричная столовая, продовольственный магазин. Отец выбил землю у моря под зону отдыха в Манасе, самолично отобрал два сборных финских домика на московской выставке… рабочие вместе с отцом собирали их…Я был тогда там, как мог помогал… У фабрики появилась своя бесплатная зона отдыха, рабочие с семьями на фабричном автобусе ездили туда с ночёвками отдыхать… купались, жарили шашлыки, ловили рыбу, варили уху… Вокруг были сплошные необжитые солончаки, пустыри… Это была одна из первых зон отдыха для рабочих в Дагестане… На парадах — помнишь такие были в СССР — я шёл с отцом, возглавляя нашу колонну, с трибуны комментатор орал в мегафон: «Вот идут передовики, награждённые

передовым красным трудовым знаменем… выполнившие-перевыполнившие план… Ура товарищи!!!», — и люди приветствовали нас криком: «Ура!». Я эти людские уважительные восторги принимал и на свой адрес… Я же со всеми трудился: таскал, подносил, придерживал, помогал — и частичка этого «Ура» тоже была моей… Когда люди на улице с уважением здоровались с моим отцом, я тоже, непроизвольно, был подсвечен этим нимбом уважения… В общем, мне теряться по жизни не перед кем было… такое вот «трудное детство»… Позже отца за его труды повысили в должности — перевели в министерство…

Мы ходим с Гейдаром по выставке, я что-то плету про «евразийский авангард» — как пришёл к этой идее… Заметив, что Гейдар готов слушать, я кручу словестные пируэты с длинной траекторией… Рассказываю ему про своего деда–поэта, героя гражданской войны, про отца, про наш аксаевский зиарат, про учёную родню, про своих дядек-артистов… Про бесконечные поиски живописно-пластического языка, как я в этих поисках перелопатил всю доступную информацию: где только не копал, что только через себя эмпирически ни пропустил — классические и не классические искусства, импрессионизмы, экспрессионизмы, сюрреализмы, минимализмы… измы–измы… наскальные росписи, древние мистико-ритуальные артефакты… Африка, Индия, Европа, Америка, Австралия и т.д. и т.п… Короче, изучал-разгребал выведенные человечеством на поверхность материалы коллективного бессознательного… Понятно, до чего мог дотянуться… Рассказывал, как окончательно запутавшись в своих поисках, так и не смог выработать своего универсального языка… И как однажды, вдруг на этом пути испытал сатори… Пришло осознание, что все мои поиски тщетны, что я исследую только формы, работаю только с формами, в этой работе с формами исчезает само содержание… Создаются конструкции, иногда даже очень завораживающие, но в них нет подлинного наполнения… формы без этого содержания, без этой живой сути — пусты. Я вдруг понял, что я каждый день в своих поисках перешагивал через лежащую передо мной суть: она здесь, я на ней уже стою — её не надо искать на других континентах, в других тонких мирах… Вот — Дагестан… Суть! Это первая координата! Я не о форме, не об азиатской непостижимости говорю, не о чарующих тайнах Востока… а просто, вот Дагестан — это и есть Здесь и Сейчас, это и есть Суть… Осознание этого — вот ответ! Я рассказывал Гейдару, как я, под улюлюканье своих друзей-знакомых, дико интеллектуально продвинутых, начал писать пейзажи — и это после всех моих «инфернальных» серий! После «Дневников снов», прожжённых холстов (серия «Короли»), после листов «татуированной»

графики (серии «Гипнографии»), магического реализма, экспериментальной абстракции — я начал писать «пейзажи»! Только единицы поняли, что это, в принципе, и не пейзажи вовсе… Нет ни одного «документального», ни одного с конкретного места: это была сумма подлинных, осознанных впечатлений, соединённых в образ. Это были точки опоры для дальнейшего движения… Именно этот опыт дал возможность двигаться дальше, не теряя себя в пространстве, сделать своё движение свободным от хаотичных, непроизвольных творческих кульбитов… По мере моего продвижения начал вырабатываться наполненный нужным содержанием язык… Это было не сложно, это происходило само собой, — открытый мной язык, его составляющие просачивались, проникали через меня в работы, как алхимическая эссенция… Технической стороне, «причёсанности» работ я уделял не много времени, «сделанность» была не важна — ею пусть занимаются художники-ремесленники, им же не надо двигаться вперёд, чтобы открывать новое. Они стоят на месте, пользуются уже готовым, у них много времени — пусть на здоровье «аккуратят» чужие открытия… В общем, всем этим я грузил Гейдара… Я был как ребёнок искренен, в какие-то моменты даже артистичен… короче — театр одного актёра… Он меня слушал, не перебивал — я очень надеюсь, что ему было хотя бы не скучно…

<u>Письмо четырнадцатое</u>

Ты просил, чтобы я описал ещё какие-то детали нашей с Гейдаром первой встречи… Как ты говоришь — «знакомства». Здесь я хочу заметить: мы с Гейдаром общались — верней, я что-то, как мог, рассказывал, но настоящим знакомством эту встречу назвать не могу. Потому что не было никакого глубокого диалога — был мой, часто прерывающийся, монолог… Я пока ходил, показывал-рассказывал, постоянно отрывался от повествования… Вижу — по курсу нашего движения, как маяк, мигает неотрывный взгляд Сергея Шерстюка… Подхожу к Сергею, говорю: «Вот, старик, познакомься — это тот самый Гейдар Джемаль…», потом по курсу Сергей Кусков — я опять: «Вот, познакомьтесь, Гейдар… это Сергей, он вас в статье журнала Х.Ж цитировал…» и т. д… Ещё запомнилось, что Гейдар, прочитав аннотацию к выставке «Возможный ответ», где указывалось, что это антипосмодернистский проект… задал вопрос: «Почему — “возможный”?»

<u>Письмо пятнадцатое</u>

Давай, я попробую описать встречу, которую можно обозначить как реальное глубокое знакомство… Это было зимой в самом начале 1994 года… Я тогда готовился к своей персональной выставке в Третьяковке — проект «Онтосимметрии», цикл «Не имеющие обозначений». Мне нужно было

встретиться с Гейдаром в обстановке, где не было бы посторонних людей… Разговор предстоял трудный. Я хотел предложить Джемалю написать текст к предстоящей выставке. Я уже тебе писал ещё в первом письме — повторюсь: главным пожеланием было, чтобы текст был не в сторону «искусство-знания», не патологоанатомическим искусствоведческим исследованием, где на живое навешивают мёртвые бирки, а абсолютно свободным, самодостаточным и, по возможности, — «параллельным», идущим рядом с идеями, представленными на выставке. Другими словами, создать текст, который станет параллельной конструкцией, — свободной, самодостаточной частью проекта «Онтосимметрии»… Задача для меня предстояла тяжёлая: надо было словами описать общую идею проекта, описать, по возможности, смысл самих работ… Понимаешь, словами! Доносить словами смыслы — это не моя территория ответственности, я на ней не живу… Это — территория Гейдара, и он на ней мегавеликан… Мне предстояло на его территории по-гномьи пританцовывая, что-то лепеча, доносить свои творческие замыслы. Я был свидетелем, как Гейдар, без злобы, без садистского интеллектуального удовольствия, жёстко давил «потерявших берега» оппонентов, или словесными щелчками отгонял, как комаров, попутавших масштабы собеседников, которые, расслабившись, как ровне закидывали ему «руку на плечо» типа «мы-то с тобой, Гейдар, знаем, как устроено мироздание, мы с тобой постигли природу трансцендентного…»… Джемаль знал себе цену, чётко осознавал масштаб своей личности и такого рода фамильярности не переносил… В общем, мне предстояло выполнить сложную задачу. Схожий опыт у меня уже был: двумя годами раньше я с подобным предложением — создать параллельный текст к моему проекту «Возможный Ответ» — обращался к Шарифу Шукурову. Он написал великолепный, тонкий, глубокий текст, который опубликован в каталоге к выставке в1992 году. Но с Шарифом всё было по-другому: мы много лет были близко знакомы, мы много общались, и статья в каталоге, по сути, была итогом тех наших бесед… Как получится с Гейдаром, как он отреагирует на предложение принять участие в проекте — мне было не известно… Я тогда обратился к тебе за советом, как мне с Джемалем встретиться без свидетелей… Зачем мне нужна эта встреча, я тебе не поведал… Ты сказал, что Гейдар сейчас живёт в Валентиновке, и мне надо поехать к нему, предварительно созвонившись… Я так и сделал: позвонил и договорился о встрече. Время было назначено. Как, куда ехать должен был объяснить Эльшад. Я был через тебя знаком с ним: за день до поездки мы сидели с Эльшадом у меня в мастерской. Я не хотел ехать в Валентиновку с пустыми руками, но что с собой привезти в подарок, было непонятно… Ну не книги же с собой везти, не коробку конфет с лимонадом… Я спросил у

Эльшада: «Что взять?» Он недолго думая сказал: «Возьми в мечети мясо. Пока его будут готовить, вы с Гейдаром спокойно поговорите». Идея мне показалась хорошей, сразу возник в моей голове образ жертвенного барана. Это как в древних мифах: герои друг друга постоянно одаривают — быками, баранами, козами, мёдом, молоком… Я Эльшаду говорю: «Надо раздобыть тушу барана». Тушу так тушу… Он хорошо знал мясника–таджика в мечети на Новокузнецкой. Дело было к ночи, но несмотря на это, мы поехали в мечеть. С внешней стороны у ограды стоял магазин-вагончик, свет в его окошках не горел. Мы постучали — тишина… Мы постучали более настойчиво. Нам открыл дверь грозного вида крепкий бородатый мужчина в чёрной пуштунке. Поздоровавшись, объяснили, что нам нужно. Весомым аргументом было, что этого барана мы повезём в подарок Гейдару Джемалю. Мясник, похожий на персонажа из советских фильмов про басмачей, добродушно улыбаясь, выслушал нас: Джемаля он знал и, судя по выражению лица, очень уважал… Он сказал, чтобы мы за бараном приехали раним утром, как погаснут последние звезды на небе — мы так и сделали…

Мы с Эльшадом — в Валентиновке. Вечереет, холодно… Стоим у ворот Гейдара… Дома никого нет… Эльшад говорит: «Что-то случилось, Гейдар не нарушает договорённостей, немного подождём и уедем обратно в Москву»… Мы ждём, ждём… холодно… вроде нам уже пора возвращаться обратно… Я Эльшада уговариваю ещё немного подождать… Я родился в год Быка — мой бык упёрся рогами в землю, не хочет сдаваться… я родился в месяц Льва — звездный собрат Лев рычит от злости, его колотит от бешенства, но и он не тот, кто так просто отказывается от задуманного… Проходит около двух часов, в Подмосковье зимы очень холодные… Эльшад говорит: «Всё, хватит ждать, уходим!» Я ему: «Ладно, пойдём. Я только барана на ворота подвешу» Эльшад: «Зачем, забери его домой»… Я: «Ты не понял — не в мясе дело! Это — жертва, она предназначена Гейдару! Дальше пусть Господь решает, попадёт она к Гейдару или её собаки, вороны или ещё кто унесет»… Я подошёл к воротам и начал прилаживать на них тяжёлую сумку с торчащими из неё голыми, жирными, бараньими ногами. Я закончил подвешивать барана… сделал несколько шагов в сторону, чтобы рассмотреть получше созданную инсталляцию, и в этот момент ко мне из темноты с раскрытой, как у собаки Баскервилей, пастью подбегает гигантская овчарка… Как гласит древняя китайская пословица: «Бойся собаки, которая вначале кусает, а потом лает»… Собака не успевает меня укусить: с неосвещённой тропы звучит жёсткая команда: «Уран! Место! Это свои!»… Вижу — к нам по дороге приближаются две фигуры: Гейдар и его супруга Гюльнара… Как оказалось, им нужно было

срочно куда-то ехать по неотложным делам, а на обратном пути машина застряла на заснеженной дороге, и они пешком возвращались. В общем, в этот день Провидение проверило меня на прочность намерений, хотя замёрзли все участники этого события, включая и восточно-европейского гиганта Урана.

Мы — в доме, сидим за столом, пьём из больших красных азиатских пиал чёрный горячий чай, отогреваемся. Эльшад, давясь от смеха, рассказывает, как мы, пританцовывая от нестерпимого холода, ждали Гейдара, как я, перед тем как уйти, на ворота подвешивал барана… Он цитирует меня дословно, делая смысловое ударение на «жертве». Позже от Эльшада я узнал, что Гейдар серьёзно отнёсся к этим моим словам. Ахмед, ты же понимаешь: не в, мясе, не в «жрачке» было дело… И ещё заметь: как только «жертва» была водружена на джемалевские ворота — тут же, в это же мгновение появился Гейдар. Такие вещи не происходят случайно…

<u>Письмо шестнадцатое</u>

Ты спрашиваешь меня, тот ли это легендарный таджик-мясник, который для таджикской оппозиции в начале 90-х, рискуя жизнью и теряя товарищей, через непроходимые горные тропы доставлял оружие из Афганистана… Потом, разочаровавшись в своих боевых побратимах, с лёгкостью бросавших это оружие, уехал в Москву? Отвечу так: не знаю, возможно, это тот мясник, возможно — суфий…

<u>Письмо семнадцатое</u>

Я продолжу про Валентиновку… Мы попили чаю, отогрелись, остались с Гейдаром одни. Гюльнара и Эльшад ушли на кухню готовить привезённого барана. Как положено на Кавказе, я не стал сразу переходить к делам. Сидим, беседуем. Из кухни доносится головокружительный запах жарящегося в овощах и восточных специях мяса… Гейдар, улыбаясь, рассказывает, как в далёкие времена двухметровые гиганты-батыры съедали по нескольку баранов за раз, потом, насытившись, ложились в горячие целебные источники, а переработанные, уже ненужные организму жир и белок, пузырясь, из пор кожи выходили наружу, — в теле оставалась исключительно концентрированная Сила… Представив живописную картину горячих источников, которые только что покинули батыры-богатыри, с оставшейся после них дымящейся бараньей шурпой, непроизвольно смеюсь. Рассказываю причину моего смеха — мы смеёмся вместе. Знаешь же сам, как по «типу» юмора, по реакции на шутки срабатывает распознавательный код «свой-чужой»… Гейдар рассказывает о каких-то уникальных особенностях киргизского языка — вроде что-то про то, как образуется в нём множественное

число, как для этого используются аффиксы, ещё что-то про бифуркативно-коллатеральную систему терминов родства… Для меня это — тёмный лес. В какой-то момент Гейдар спрашивает про инфинитивную форму какого-то кумыкского глагола… Я молчу, не отвечаю… Он смотрит вопросительно на меня. Вижу, как в наступившей тишине в пространстве около меня повис его вопрос. Я понимаю, что для любого гейдаровского собеседника это же простейшая простота — ну что тут такого: инфинитив — это просто неопределённая форма глагола… В русском языке инфинитив признаётся именем с глагольной основой из-за того, что он не принадлежит к числу ни предикативных, ни атрибутивных форм глагола (так считают некоторые исследователи, но не все)… и т. д… и т. п… Понимаю, что это должен знать каждый образованный человек, но я этого не знаю… Я этого не вижу и поэтому — не понимаю: то, что не имеет видимых очертаний, сравнительных образов не задерживается в моей голове…

Я шумно выдыхаю и говорю: «Гейдар, я не знаю, что такое инфинитив, я не знаю, во что он превращается в кумыкской грамматике. Я на русском пишу, к своему стыду, с ошибками. Если вам это непременно надо знать, я могу позвонить в Махачкалу своей тёте, она один из лучших лингвистов Дагестана, защитила диссертацию в МГУ, имеет учёную степень, преподаёт в махачкалинском университете, доцент, в переписке с самим Ю. Лотманом. Она, как выдающийся языковед, абсолютно всё знает по этой теме… Я пришёл поговорить про другое, но как-то всё получается, как в эпизоде кино про семь самураев». Гейдар интересуется, какой эпизод я имею в виду. Описываю тот эпизод: где выбирают самураев, пригодных для защиты крестьян, про то, как их испытывают… там главный герой сидит в глубине комнаты, а его спрятавшийся помощник неожиданно нападает на входяшего — по действиям, по реакции на это нападение, выбирается воин в семёрку… Очередной претендент по движению тени в комнате догадывается о предстоящем испытании-нападении и, не заходя в комнату, со смехом говорит: «А можно без всего этого?»… Его тут же принимают в семёрку смелых… Гейдар в деталях знает это кино Курасавы. Ахмед, помнишь, он великолепно знал кинематограф и его разнообразные направления? Мы не раз с ним обсуждали разные фильмы. Кстати, это он посоветовал мне ряд выдающихся иранских фильмов, я видел до этого только пару на московских кинофестивалях и не имел чёткого представления об этом уникальном явлении…

Я знаю, что Гейдар меня в тот день не проверял, не испытывал. Просто через эту шутку про самурая перевёл разговор к главному — к сути моего визита к

нему. Я сказал, что хочу его пригласить поучаствовать в моём проекте… предложил ему написать текст… С некоторыми моими работами из проекта «Онтосимметрии» он уже был знаком, я ещё с собой привёз очень качественные слайды работ, которые планировал включить в предстоящую выставку. Для него это было неожиданно. Говорю ему: «Посмотрите работы, подумайте… если каким-то образам вас это заинтересует, это будет здорово… я ничего не делаю, чтобы удовлетворить присущее художнику гипер-самомнение, я воспринимаю такие выставки вызовом, продиктованным интеллектуальной необходимостью, работой, нужной для общего дела… открытием-освоением доселе необитаемых территорий»… Потом был длинный, раскачивающийся как маятник, разговор-знакомство. Понятное дело, не смогу его воспроизвести. Помню, что рассказывал про своё детство, учёбу, армию, про жизнь в горах, на море, про всевозможные творческие и не творческие поиски, про готовящийся проект, про попытки воплотить в нем свои идеи… и т.д. и т.п… Не надо воспринимать, что мои повествования имели линейную геометрию, чёткую временную последовательность, как в автобиографической трилогии Льва Толстого «Детство»–«Отрочество»–«Юность». Наш разговор напоминал составление абстрактно-коллажированного художественного полотна — большого полотна со свободной нефигуративной композицией. Что-то рассказывал он — я подхватывал тему, или наоборот. К примеру, вспоминая армию, Гейдар рассказывает случай, как у них в роте был бугай-живодёр сержант. Как этот сержант с раннего утра, ещё до команды «подъём», выбегал на плац и с силой лупил по мячу… сил у него было много, и мяч, ударяясь в дверь казармы, часто вышибал её из петель. От сумасшедшего грохота вскакивали, не до конца проснувшиеся, салаги-солдаты и растерянно выбегали на улицу. Сержант ржал, как лошадь, и строил взвод, а потом лупил по солдатам кожаным мячом… Только призванный молодняк падал от ударов, получал травмы, от прилёта мяча в голову на время глох… Сержант наслаждался этим, как садист… Но наступила расплата. Кто-то из молодняка, спилив ручку у 32-х килограммовой гири, засунул чугунный шар в кожаный мяч и аккуратно зашил его… К утру этот мяч возмездия призывно стоял прямо напротив дверей казармы. Сержант, как обычно, со всей своей нечеловеческой силой лупанул мяч ногой… Гейдар делает в повествовании артистическую паузу… следует мой вопрос: «Что у него с ногой случилось?» Гейдар улыбается: «Ногу отняли — сержанта комиссовали…» Ты же, Ахмед, замечал, что Гейдар иногда употреблял слова или обороты из забытого прошлого: к примеру, «отняли ногу»… Я послушав его историю, подхватил тему и тоже что-то рассказывал про свою службу в армии…

…Кстати, сам Гейдар хорошо разбирался в оружии, метко стрелял. Мы как-то у него на даче беседовали — ты это должен помнить: это та беседа, где он развёрнуто отвечал на мои вопросы о том, каким образом Господь общается с ангелами, о форме небесной коммуникации, об истинных истоках Гнозиса, об учениях Валентина, Василида… и т.д… Вспомни — я в тот день не хотел ехать, а ты мне сказал: «Поедем — Гейдар в общении с тобой раскрывается новыми гранями…» Потом мы, выслушав ответы Джемаля, вместе пошли в сад. В саду с дальнего расстояния стреляли в спичечные коробки из его духового пистолета «Вальтер р38» — в течении нескольких минут все спичечные коробки были «убиты наповал». Гейдар, при всех своих колоссальных знаниях, не был «книжным червём», не был «ботаником по жизни»… Был в сторону мудрецов-воинов — есть такая, сверх уникальная каста…

<u>Письмо восемнадцатое</u>

[…]

<u>Письмо девятнадцатое</u>

Ты спрашиваешь, почему такой негатив вызывают во мне воспоминания об армии… понимаешь, здесь придётся всё нудно, долго объяснять — на пару томов хватит… А совсем без фактов это будет выглядеть неврастенической эмоцией… Ты же в курсе, что я никогда не был мальчиком-одуванчиком, пацифистом–«антиармейцем»…

Ты говоришь: «приведи хотя бы пару примеров… добавь красок… про вырванные из жизни два года»…

Попытаюсь коротко… Я не должен был идти в армию… Я должен был продолжить своё обучение в московском Суриковском институте. На защите диплома в Махачкале об этом просил преподаватель этого института — декан факультета станковой живописи, он был главой экзаменационной комиссии. Про мою «дипломку» он, выступая, сказал, что это — твёрдая пятерка третьего курса его института. Моя дипломная работа называлась «Букинистический магазин»: многофигурная композиция с кучей людей в разных ракурсах. Я там и себя, и своего преподавателя Альберта Хаджаева изобразил. В общем, работа наделала фурор, о ней писали в дагестанских газетах, меня даже на телевидение пригласили. Я что-то плёл с телевизионного экрана о муках творчества… Понимаешь, я готовился в Москву ехать, мне должны были дать направление на учёбу. Помнишь, в СССР была такая практика — давать особо выдающимся товарищам направление в столичные вузы. С направлением

абитуриент шёл вне конкурса… пару профильных экзаменов и всё… Наши «министерские» на моё место отправили своего аульского родственника (понятно, что он не поступил)… Вот, возможно, отсюда возникла тема о потерянных двух годах: я строил планы на «светлое будущее», хотел учиться, получить знания, а вместо этого попал в армию, вместо получения знаний — получал сапогами по морде… Что я полезного вынес из армии? Что?! Знание, что «двуногие» в тяжёлых жизненных обстоятельствах становятся кровожадней, беспринципней четвероногих? Но я это всё неплохо знал из жизни на улице — зачем мне на это два года армии?… Лучше сразу в тюрьму — там пласты человеческого низа во всех видах проявляются, оттуда такого рода опыта куда больше можно вынести…
Я, конечно, не сдался: как мог и чем мог два года заполнял эти образовавшиеся бессмысленные временные лакуны… но это тема другого разговора…
Продолжу о встрече… я как обычно в гротескной, шизоидно-стёбной форме повествовал о своём жизненном пути, о всяких детско-юношеских коллизиях…
Гейдар смеялся над моими рассказами таким грудным смехом — был в его звуковом регистре и такой… Он говорил, что не выносил школьное образование, ставил в неловкое положение своих учителей, указывая им на их ошибки в изложении учебного материала… Он рассказывал что-то ещё смешное про свою школу… Я ему, помню, сказал: «Странно, что вы не переносили школьную образовательную программу… от вашей «запредельной» образованности складывается впечатление, что вы были выдающимся вундеркиндом-отличником, и у вас, вместо подушки были книги… тома по философии»… Он ответил, что с книгами под головой практически так и было, только их не школа подкладывала, а его дед — Леонид Шаповалов[42]…

__Письмо двадцатое__

Что-то я улетел далеко от основной темы в исповедальную сторону… Знаешь, в детстве в нашем подъезде на подоконнике валялась потрёпанная книга — об неё почему-то тушили окурки. Я её забрал, прочитал… Она называлась «Исповедь сына века»…

Продолжу о нашей с Гейдаром беседе… Были в наших рассказах любопытные схожести: к примеру, я рассказывал, как зависал в общаге МГУ, втирал своим новым знакомым-студентам всякие бредни о том, что я — зажиточный

[42] Леонид Емельянович Шаповалов (1902–1955) — искусствовед, педагог, театральный деятель, заместитель министра культуры. С 1 марта 1943 г. по 1 апреля 1950 г. - директор Малого театра, позже - профессор ГИТИСа, заведующий кафедры философии. Дед Гейдара Джемаля.

махачкалинский рабочий, работаю на фабрике им. Магомеда Гаджиева… Водил их в столовку… Помнишь эти советские студенческие столовые? Всё стоит копейки — гарцуй перед вечно голодными студентами… В общаге было неплохо: постоянное общение с кучей разного интересного, начитанного народа, много всякой литературы… Можно по чужому студенческому билету в библиотеку сходить, на лекцию к столпам науки попасть… Я с «легендой» о рабочем жил там какое-то время… Потом, забывшись, «прокололся»: поправил одну учащуюся с факультета иностранной литературы… Она писала курсовую, вроде, на тему «Старшей Эдды»[43]. Помню, мы сидели толпой, жадно ели. Она, смотря как мы едим, начала с издёвкой рассказывать, как Локи, переодевшись в прекрасную Фрейю, ел за столом у князя турсов Трюма, удивляя всех собравшихся своим мегааппетитом: съел в один присест трёх лосей и быка, потом запил всё это несколькими бочками хмельного мёда… Я забылся и сказал, что она оговорилась, потому что переодетым во Фрейю был не Локи, а бог Тор, он за своим похищенным молотом пришёл, а подлейший-хитрейший-мудрейший Локи ему просто помогал, переодевшись в служанку… Потом мне пришлось успокаивать округу, что-то придумывая про свою начитанность, что эту книгу я читал во «всемирке»… Понимаешь, я был много дней простым кавказским рабочим парнем — со мной, с моей доброй, простодушной недалёкостью было свободно и легко… А тут — Тор, молот-мьёлльнир, Локи… Понятно, я всё это в юности читал, и даже неплохо знал: я у Самсона Бройтмана[44] много научной литературы по этой теме брал… он был лично знаком с Ароном Гуревичем[45].

После моего прокола я невольно обрёл ореол таинственности, за мной рябью на воде возникали перешёптывания… Уже к концу вояжа меня увидели с Юрием Шичалиным, я ему передавал книги от общих махачкалинских знакомых. Юрий кому-то рассказал, что я художник… Ты должен знать

---

[43]«Старшая Эдда» — поэтический сборник древнеисландских песен о богах и героях скандинавской мифологии и истории, сохранившийся в древнеисландской рукописи второй половины XIII века.

[44] Самсон Наумович Бройтман (1937 – 2005) — советский и российский учёный-филолог и литературовед, доктор филологических наук, автор первого в мире учебника по исторической поэтике, крупнейший специалист в области теории и истории русской лирики XIX — начала XX века. В 1937 году его родители уехали из Одессы в Махачкалу. В 1959 году окончил историко-филологический факультет Дагестанского университета, после этого работал учителем в школе селения Кахиб в одном из горных районов республики, затем в школах Махачкалы. С 1965 по 1993 г. преподавал на кафедре русской и советской литературы Дагестанского университета. Научные интересы Бройтмана сформировались под воздействием работ Александра Веселовского и Михаила Бахтина, к которому он ездил в 1969 и 1972 годах. В 1993 году стал профессором кафедры теоретической и исторической поэтики РГГУ.

[45]Арон Яковлевич Гуревич (1924—2006) — советский и российский историк-медиевист, культуролог. Профессор МГУ, член Европейской академии. Ещё при жизни его исследования получили мировое признание.

Шичалина[46], он родился в Махачкале, работал на кафедре классической филологии МГУ, потом читал лекции по всему миру, по всяким Сорбоннам, дружил с нашими земляками, бывал у меня в мастерской, он из учеников Лосева, был какое-то время его секретарём…

Послушав мою историю, Гейдар рассказывает свою, как он в какой-то околооккультной тусовке на надоевшие ему вопросы о его «истинном магическом имени» назвался магом Гайидором[47]… Потом он, крутя на пальце большой перстень с чёрным камнем, начал презрительно рассматривать затихшую публикую… Публика, когда пришла в себя, начала вокруг него кружиться на полусогнутых ногах. Ахмед, помнишь, какой Гейдар обладал фрактурной внешностью и каким был артистичным? Представь, если он в той тусовке изобразил на лице подобие той мины, как на «хрестоматийной» фотографии (я тебе о том треш-фотопортрете писал раньше), — какая ответная реакция могла быть…

Продолжу про биографические схожести… Я рассказывал, как для себя открыл мир бессознательного. Как в детском возрасте, после одного происшествия начал заикаться, по сути перестал внятно говорить, как перепуганные родители начали меня водить по логопедам, психологам, бабкам-ворожеям и т.д., и как это всё не помогало… И меня пару лет возили в Кисловодск к гипнотизёру… Как с ним подружился мой отец… (Отец на любительском уровне практиковал йогу)… Именно тогда в Кисловодске я впервые услышал про психоанализ, про Фрейда… Именно подобранные для меня гипнотизёром аутогенные тренировки помогли мне начать вновь нормально говорить…

Я рассказывал Гейдару… Как после этого в юности копал, где мог, литературу по этой теме, как мне в армию друзья посылали книги: «Психоанализ и философия неофрейдизма», увесистые тома сборника Тбилисского международного симпозиума по проблеме бессознательного и т. д… Как был знаком с внучкой врача-психолога советской олимпийской сборной, как жил в его квартире, изучая оставленный им после смерти архив…

Джемаль слушал меня. Вспоминал, как он в юности изучал мир бессознательного, как вышел на эту тему… Ещё помню, когда мы вспоминали

---

[46] Юрий Анато́льевич Шичалин (род. 30 августа 1950, Махачкала) — советский и российский филолог-классик, историк философии, переводчик, издатель. доктор философских наук, профессор. Выступал с лекциями и докладами в Сорбонне, Тринити-Колледже, Томас-Институте, Университете Перуджи, Фрибургском университете, Лувенском католическом университете. В качестве приглашённого профессора дважды читал лекции в Коллеж де Франс.

[47] Эта забавная история случилась в Душанбе и подробнее описана в мемуарах Джемаля «Сады и пустоши».

детство. Я рассказывал, как меня принудительно на новогодние утренники в детском саду постоянно наряжали в яркий красно-зелёный костюм клоуна. На голову водружали высокий дебильный колпак с бубенцами. Как меня колотило от этого идиотского наряда, как я до безумия бесился… Как хотел истребить всех свидетелей своего позора… Даже подрался с мужиком, одетым Дедом Морозом… В общем, на утренники меня больше не водили…

Гейдар вспоминал, как после ипподрома приходил на занятия в школу в одежде конного наездника — в высоких узконосых сапогах и с хлыстом в руках… Хлыст не был декоративным украшением в его одеянии…

Ладно, давай, чтобы у тебя не сложилось впечатление, что мы, беседуя с Гейдаром, были подобны матросам китобойного судна, травящим в кубрике лихие баланды о жизни на берегу, расскажу в следующем письме что-нибудь серьёзное…

Письмо двадцать первое

Салам. Я сказал, что в следующем письме расскажу о серьёзных темах, поднятых в нашей с Гейдаром беседе, — сперва сказал, а уже позже начал думать… Наш диалог носил серьёзный характер, и, в основном, поднимались очень важные для меня темы, — смешные истории были только «вкраплениями»… Но вот задача: как мне воспроизвести озвученные им тогда мысли, как воспроизводить предельно точно Гейдара? Я попытался, что-то описать-написать… прочитав, сразу удалил. Там, в удалённых строках получалось, как в анекдоте про Карузо. Помнишь старый анекдот, где одессит говорит, что не переносит пение Энрико Карузо? Что такого мерзкого, фальшивого голоса он никогда не слышал, и на вопрос, где он слышал Карузо, одессит отвечает: «Мне Ося-Карлик пропел всю его пластинку»… Это я к тому, что как Джемаль я не смогу…

Давай попробую описать темы, которые мы затрагивали… Помню, он много говорили о Фридрихе Ницше… Гейдар рассказывал, как Ницше захватила идея Ewige Wiederkunft («вечного возвращения»). Как эта идея парадоксально подтолкнула Ницше к решению задачи выхода из, казалось бы, безвыходного — из вечного повторения одного и того же, как это найденное решение внесло смысл в картину бессмысленности бытия.

В какой-то момент я сказал, что Фридрих Ницше ошибался, говоря, что главной фигурой нового времени станет schauspieler (актёр), — к нашему несчастью, стал clown (клоун). В чём Ницше был безусловно прав — это в том,

что из мира ушла подлинность… Мы говорили о Лотреамоне[48]. Я рассказывал, как меня с ним в пятнадцатилетнем возрасте познакомил Альберт Хаджаев[49], мой преподаватель в художественном училище. Он на французском цитировал фрагменты «Песен Мальдорора»… Гейдар сказал, что Евгений Головин переводил Лотреамона на русский. Позже я познакомлюсь с частью его переводов — думаю, лучше никто уже не переведёт. Понятно, что Гейдар не раз во время беседы упоминал о Рене Геноне, Мирче Элиаде, не раз возникала фигура Юлиуса Эволы…

Помню, я говорил о Платоне, об уже ставшим общим местом «кино на стене пещеры». Вспомни — у каждого из нас при «Советах» обязательные томики Платона или кого-то из античных философов пылились на книжных полках[50]. Это как идиотское пианино, которое должно было быть в каждой культурной квартире, и некоторые на них даже музицировали… Я, как положено нервному подростку, ненавидел «фоно» (пианино — *А.М.*): его насильно в мою и без того маленькую комнату втиснули родители — втиснули для того, чтобы моя сестра раз в сто лет играла на нём «собачий вальс». Я сжился, от безвыходности, с пианино — в его недрах хранил всё то, «о чём не говорят и не учат в школе»: сигареты, ножи, кастеты. Потом, по совету друзей рок-музыкантов, в мягкие молоточки вставил металлические канцелярские кнопки, и сам стал выстукивать потусторонние звуки на созданном мною адовом клавесине…

Письмо двадцать второе

Я упустил, наверное, по-своему важную вещь. Еще в самом начале нашей беседы с Гейдаром рассказывал ему о своих впечатлениях от встреч с замечательными, умными людьми, которые, к примеру, приезжали в гости к моему старшему товарищу Самсону Бройтману. Как они сыпали цитатами, указывая точно номер страницы, год издания цитируемых книг, как от всего этого кружились головы студенток, забежавших к Самсону Наумовичу чайку попить, я с восторгом наблюдал за плодами этой мнемонической механики… Ну, это же реально круто быть обладателем сверх памяти: всего один взгляд на страницу — и эта страница уже навсегда всунута в анналы памяти… Но какое всё это имело отношение к реальному знанию — я уже не говорю о

---

[48] Граф де Лотреамóн (1846 — 1870) — французский поэт, рождённый в Уругвае. Его единственные работы, Les Chants de Maldoror («Песни Мальдорора») и Poésies, имели значительное влияние на современное искусство и литературу, особенно на сюрреалистов и ситуационистов.

[49] Альберт Захарович Хаджаев (1937 — 2024) — советский и российский художник, педагог. Член Союза художников СССР, Заслуженный художник России (2008), Член Международной Ассоциации Изобразительных Искусств — АИАП Юнеско.

[50] Забавно, но факт. Всё мое детство передо мной на полке лежал Лукреций, «О природе вещей».

глубинном знании, — или хотя бы к житейской, «корневой», народной мудрости, которой обладали даже махачкалинские старушки, торгующие семечками… Ты, наверное, замечал такую закономерность: практически вся эта «профессура» бывает несчастна по жизни… Ну, там всякие душевные, духовные проблемы, травмы уровня «мама не похвалила в детстве за пятёрку по химии, папа ранил психику, так и не купив трёхколёсный велосипед, очередная, жабо-подобная баба бросила и т.д., — в общем, весь этот психоаналитический набор «мама–папа–пи-пи»… Так вот, эти старухи с семечками могли бы дать кучу работающих методик, как избавиться от букета всех этих фрустраций и уродующих жизнь психосоматик…

Продолжу про встречи с умными людьми… Я Гейдару рассказал, как час слушал, как один выдающийся литературовед воспроизводил наизусть целые главы из работы Бахтина… Позже, выйдя на балкон покурить с Самсоном, я сказал ему: «Я внимательно слушал вашего гостя, все цитаты вроде точны, а вот когда он начал говорить от себя, излагать собственные мысли, у меня сложилось впечатление, что он даже не понимает сути значения бахтинского диалога»… Самсон, смеясь: «Только прошу, Адиль, вы об этом ему не говорите, его считают ведущим специалистом в этой области». Самсон Бройтман знал Бахтина лично, ездил к нему в Саранск.

После своих «наездов» на учёную публику, я сказал Гейдару: «Наверное, это было неправильно с моей стороны давать кому-то оценки, критиковать… Это же была не моя территория. на этой территории я со своими знаниями чувствовал себя просто лилипутом — и это была правда.»

Знаешь Ахмед здесь есть одно интересное наблюдение… Мое лилипутство материализовывалось только на чужих землях, когда я, как у себя дома, хотел прогуляться по ним… Когда они забредали на мою территорию, пытаясь серьёзно рассуждать о природе, свойствах и сути изобразительного искусства, о технических возможностях этого уникального языка… На этих, уже моих землях, забредшие сюда помаршировать товарищи превращались в слепых карликов… Наверно, каждому надо заниматься своим делом, на своих территориях ответственности — и адекватно воспринимать свой реальный масштаб. Они на своих территориях были генералами, маршалами — и это правда, но ведь и я на своей, пусть очень узкой, специфической территории, был кем-то вроде адмирала подводного флота… Этаким, скажем, персонажем в чёрном кителе и с повязкой, скрывающей потерянный в сражении глаз…

Приведу, Ахмед, тебе пример: он по смысловой касательной может подойти. Вот тебе реальная зарисовка. У меня в мастерской сидит очень известный

учёный в области литературы, философии, реально мной уважаемый интеллектуал. Я ему показываю работы, что-то рассказываю о них. И в конце он выводит заключение, фабулу всего увиденного, говорит: «Я понимаю, что это не простая игра цветом, что здесь всё очень серьёзно… но я так и не смог найти, подобрать ключ к увиденному, чтобы понять, прочитать смыслы ваших работ…» Понимаешь, Ахмед, чтобы понять, надо прочитать! Понимаешь его фундаментальную ошибку — «читать изображённое», переводить образ в слово, охолащивать, оставлять за бортом самое ценное в изобразительном языке, его уникальную, неповторимую форму коммуникации. У слова своя уникальность, у музыки — своя, у изобразительного искусства — своя, их не надо сносить со своих фундаментов, не надо одно подменять другим. Все эти стратегии подмен могут быть любопытными, интересными, но для меня— всегда проигрышными… Можно пытаться описывать словом плавящий хрусталики зрачков ослепительный свет солнца или пытаться описывать таинственное свечение луны, гипнотическое мерцание звёзд, — можно пытаться, вопросов нет… А можно просто, раскрыв глаза, всё это неописуемое волшебство увидеть (или быть готовым увидеть)… Видеть, контактировать с этими объектами пользуясь средствами визуальной коммуникации, впускать в себя, в свою глубину образы через Открытые глаза… Я не говорю, что приведённые мной образы: солнца, луны, звёзд нельзя описывать словом, — наоборот, это прекрасная возможность проявить уникальность слова, уникальность повествования. Понимаешь, «уникальная возможность» — одна из имеющихся возможностей. Мне было всегда интересно концентрировать свой поиск, свою оптику на выявление фундаментальной сути изобразительности. Я понимаю, что можно сделать изображение музыкальным. «Смотришь и слышишь музыку» — здорово… хорошо… почему бы нет… Но мне, лично мне, важней исследовать уникальный, ни с чем не схожий, «язык воздействия», проявляющийся через визуальные образы…

К чему я об этом говорю тебе… Я всю свою юную жизнь находился в близком окружении «науко-мыслящих» людей, — людей, у которых умение мыслить оценивалось скоростью перемещения по давно проложенным дорогам, людей путавших Живой ум с накоплением и использованием уже давно протухшей информации… Короче, я тогда (возможно, навсегда) отравился такого рода общением… Меня до сих пор физиологически выворачивает, когда я слышу наукообразную «феню», — как правило, маскирующую глубинную тупизну.

Я про всё это тогда говорил Гейдару… Суть всего сказанного была в том, что один и тот же человек может быть гигантом на своей территории и клопом —

на чужой… Не знаю, Ахмед, смог ли я донести свою мысль, мысли, — у меня с этим сложности…

P.S.: Вот, ещё с чего-то вспомнил: мы говорили с Гейдаром (или это было не в этом разговоре)… о книге Колина Уилсона «Паразиты сознания»[51]. Гейдар читал её на английском: на русском тогда ещё не было перевода. Я сказал ему, что английским не владею, а книгу читал на украинском: её мне дал Сергей Шерстюк, книга называлась «Паразити свідомості». Понятно, что от Уилсона до Лавкрафта всего пара шагов: поговорили заодно об Азатоте, Йог-Сототе, Ктулху и Дагоне, о «Хребтах безумия». У меня всё это богатство было в самиздатовских вариациях. Я даже сам пытался переводить рассказ «Безымянный город»[52]…

__Письмо двадцать третье__

Знаешь, у меня в голове каша из воспоминаний… Я не могу чётко вспомнить все темы, потому что не было так, что раз поднятая тема не всплывала в других беседах.

Помню, Гейдар говорил о художнике–неоноваторе, что подлинный художник — это художник, сбросивший с себя все путы «здешнего», отказавшийся от магии символов, вышедший за пределы контекстуальности, вырвавшийся из социума, разорвавший многовековые рабские цепи коллективного бессознательного своим отказом выводить его наружу, — художник, вышедший за пределы всех этих парадигм, которые осели банальными пластами в культурной традиции. По сути, он этими же словами завершил своё выступлении в Третьяковке…

Помню, я ему подробно рассказывал о новом проекте «Онтосимметрии». Я не буду это сейчас воспроизводить. Ты со всем этим хорошо знаком…

Что ещё можно добавить… Про ту мою встречу с Гейдаром — примерно через месяц. Он позвонил мне, предложил встретиться у исторической мечети на Большой Татарской улице. Я приехал, мы сели на какой-то скамейке… Гейдар достал тетрадные листы в клетку — на них крупным почерком был написан текст… он стал его читать вслух… Я, как обычно, принялся «смотреть кино»… (Я тебе рассказывал, что как-то сказал Гейдару, что его тексты обладают нереальной образностью: как будто не тексты, а написанные

---

[51]Колин Уилсон (Colin Henry Wilson; 1931 —2013) — английский писатель-фантаст и философ. Уилсон написал 80 книг в области литературной критики, музыки, криминологии, социологии, истории, сексологии, философии и оккультизма.

[52] Рассказ Говарда Лавкрафта, написанный в январе 1921 года. На сегодняшний день вышло уже восемь разных переводов рассказа на русский.

словами картины. Он тогда шуткой ответил: «Возможно, это потому, что мой отец — заслуженный художник Монголии».)

...Гейдар закончил читать… Смотрит на меня… Он иногда становился похожим на большого ребёнка, который ждёт положительной реакции на проделанную им работу, на работу, которая ему самому очень нравится. Ты, помню, говорил, что он сам, практически, ничего не писал: обычно диктовал. А тут — исключение. Гейдар ожидающе смотрит на меня, держа в руке листы с великолепным текстом, по сути — манифестом. Я, не совладав со своими эмоциями, просто обнял его — обнял по-мужски, в знак безмерной благодарности. Эти тетрадные листы хранятся у меня, как бесценная Ценность, как фрагмент поверхности далёкой планеты… Текст «Художник и Культура» опубликован в каталоге к выставке… В каталоге есть, если ты забыл, благодарность тебе за участие в реализации проекта.

P.S.: Да. Забыл тебе ответить про точки в моих текстах… Ты говоришь, что это наталкивает на мысль о самовлюблённости автора, о попытке быть поверхностно оригинальным и т.д… Давай отвечу… Я так пишу-писал всегда… с самой школы… посмотрел бы ты на мои письма из армии… Я знаю, что это вызывает бешенство у редакторов… Я с этим не раз сталкивался, мне не раз высылали обратно «исправленный» как надо, кастрированный текст… Все мои объяснения, что это моя авторская писанина, и пишу я её так, как мне надо… Все объяснения про то, что точки задают нужный мне смысловой ритм, музыкальную протяжённость, «глубокомысленые» сюжетные паузы и т. д… приближают текст к разговорной форме, даже моментами сохраняют мою артикуляцию… Всё это не работало… Я объяснял им, что в текстах я не пытаюсь быть оригинальным, просто пишу, по возможности, приближенно к своей манере говорить… Ну сам подумай — куда мне со своей оригинальностью до стихо-рисунков Аполлинера… Но — случилось чудо… В какой-то момент редакторы все же смилостивились, и подсказали, что нужно делать в конце текста маленькую «при-писочку», что текст опубликован с сохранением авторской пунктуации»… Что я теперь и делаю… Кстати, в ранних моих текстах почти не было заглавных букв, а число точек, создававших нужную мне величину смысловых пауз… было «количественно разным», от одной до бесконечности… Понимаешь, ведь тексты были моими и писались для себя самого… и эта «авторская пунктуация» помогала мне сохранять точность моих мыслей… Смотри, я уже почти исправился: ввёл, из уважения к читателю, заглавные буквы и точек сохранил не более трёх… Придёт время, начну писать как все — правильно…